Истории Эстериона

Чудовища, маги и прочие неприятности

Алекс Куверн

Алекс Куверн

Истории Эстериона: Чудовища, маги и прочие неприятности

«Автор»
2026

Куверн А.

Истории Эстериона: Чудовища, маги и прочие неприятности / А. Куверн — «Автор», 2026

«Чудовища, маги и прочие неприятности» — сборник самостоятельных историй из разных уголков Эстериона.Здесь следопыты выходят на охоту за опасными тварями, магические происшествия оказываются куда хуже обычного пожара, в портах исчезают подозрительные грузы, а за пределами знакомых дорог всегда находится что-нибудь, чему очень не хотелось бы встретиться после заката.Горные перевалы и шумные города, лесные поселения и морские пути, маги, охотники, стражники, путешественники и люди, которым просто не повезло оказаться рядом, когда началось очередное приключение.

© Куверн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Следы на тёплом камне 5
Лёд под кожей гор 30
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Алекс Куверн
Истории Эстериона: Чудовища, маги и прочие неприятности

Следы на тёплом камне

Аэрин почувствовал дым примерно за полчаса до того, как увидел сгоревшую повозку.

Сам запах поначалу не показался ему необычным. В конце лета Сосновые пределы пахли дымом почти постоянно: где-то лесорубы сжигали ветви после расчистки, где-то углежоги закрывали очередную яму, а где-то путники оставляли после себя кострище, которое продолжало тлеть ещё сутки после того, как они исчезали за ближайшим поворотом. Но через несколько шагов Аэрин понял, что это не древесный дым. Ветер приносил запах горячей смолы, палёной шерсти и металла, который слишком долго держали в огне. Последний оттенок был едва заметным, однако однажды он уже запомнил его достаточно хорошо, чтобы теперь остановиться посреди дороги и поднять руку.

Четыре повозки за его спиной остановились не сразу. Передняя ещё несколько метров прокатилась по каменистой колее, прежде чем возница натянул поводья; вторая едва не ткнулась ей в задний борт, а с третьей донеслось раздражённое ругательство человека, который последние три дня воспринимал любую задержку как личное покушение на прибыль. Охрана, к счастью, отреагировала быстрее. Кейра Корр коротким жестом остановила своих людей, два арбалетчика разошлись к краям дороги, а молодой Роан, ехавший на козлах последней телеги, так резко схватился за короткое копьё, будто всё путешествие только и ждал возможности доказать, что таскал его не зря.

— Что заметил? — негромко спросила Кейра, догоняя Аэрина.

Ей было около тридцати пяти. Невысокая, крепкая, с коротко остриженными каштановыми волосами и привычкой смотреть на незнакомые вещи так, словно каждая из них заранее подозревалась в попытке причинить неприятности, Кейра за десять дней пути успела понравиться Аэрину куда больше, чем большинство начальников караванной охраны. Она не пыталась соревноваться с проводником за право первой заметить опасность, зато умела мгновенно перестраивать людей, когда опасность всё-таки появлялась.

Аэрин указал в сторону западного склона, где между соснами ещё ничего не было видно.

— Дым.

Кейра втянула воздух, подождала, нахмурилась и покачала головой.

— Ничего не чувствую.

— Ветер идёт немного в сторону от тебя.

Она посмотрела на верхушки сосен, убедилась, что он прав, и снова перевела взгляд на него.

— Иногда мне кажется, что следопыт — это человек, который умеет сообщить очевидное таким тоном, чтобы все остальные почувствовали себя недостаточно внимательными.

Аэрин чуть склонил голову.

— Иногда.

Кейра прищурилась.

— Это была шутка?

— Да.

Она несколько секунд смотрела на его совершенно спокойное лицо, после чего тихо фыркнула.

— Когда-нибудь я научусь понимать это сразу.

Со стороны каравана уже подходил Родек Далль, хозяин обоза. Ему перевалило за пятьдесят, седина давно забрала виски, но двигался он с энергией человека, который привык лично проверять колёса, ремни, число мешков и настроение лошадей, а любую вещь, которую невозможно было внести в дорожную ведомость, считал подозрительной по определению. Рядом с ним шёл Рем Кассар — купец в слишком чистом для десятого дня пути тёмно-красном камзоле. Три его запертых ящика, дорогие ковры и несколько особо ценных тюков занимали почти половину третьей повозки, а сам Рем занимал примерно половину каждого разговора, если ему вовремя не напоминали, что остальные люди тоже умеют говорить.

— Почему остановились? — спросил Родек, сразу глядя не на Аэрина, а туда, куда тот смотрел.

— Впереди что-то горело, — ответил Аэрин, снимая лук с плеча. Серые дорожные столбики дальше уходили между деревьями и исчезали за плавным поворотом. — Оставайтесь здесь. Кейра, возьми одного человека.

— Я сама пойду, — сказала она, уже проверяя ножны.

Рем Кассар недовольно посмотрел на солнце, словно именно оно было ответственно за задержку.

— До Каменного поста ещё почти день. Если мы будем останавливаться возле каждой кучи золы, к воротам приедем уже ночью.

Аэрин перевёл на него взгляд.

Рем замолчал. Аэрин никогда специально не учился заставлять людей прекращать спор одним молчанием; навык появился сам собой после нескольких лет работы с торговцами, которые сначала нанимали проводника, а затем примерно через два дня начинали объяснять ему, как именно следует вести караван по дороге, на которой сами прежде не бывали.

— Если там действительно просто зола, — сказал он наконец, — потеряем четверть часа.

Родек нахмурился.

— А если нет?

Аэрин снова посмотрел на поворот.

— Тогда мы уже потеряли больше.

Он и Кейра пошли вперёд, а шум каравана постепенно остался за спиной. Здесь королевский тракт проходил по длинной неглубокой ложбине между сосновыми склонами. Драконий хребет лежал ещё далеко к западу, однако близость гор уже ощущалась в самой земле: под тонким слоем почвы проступал серый камень, ручьи прорезали склоны узкими ложбинами, а между обычными валунами попадалась тёмная порода, способная хранить дневное тепло почти до рассвета. Именно из-за таких жил в Сосновых пределах существовали отдельные тёплые долины, где водились существа, совершенно не соответствующие окружающему климату. Путники любили эти истории и потому ожидали встретить за каждой второй сосной огненную ящерицу размером с телёнка. Большинство, к счастью, оставалось разочаровано.

Сгоревшая повозка появилась после следующего поворота. Она стояла почти поперёк дороги, завалившись набок, передняя ось раскололась, одно колесо лежало отдельно в траве. От матерчатого верха остались только чёрные лоскуты на обугленном каркасе. Земля вокруг была выжжена неровными пятнами, однако пожар почти не ушёл в лес: несколько кустов обгорели до голых веток, на двух соснах хвоя почернела с одной стороны, а дальше зелень снова выглядела совершенно обычной. Возле сломанного дышла лежала лошадь.

Кейра остановилась рядом с Аэрином, и прежняя усмешка исчезла с её лица.

— Когда?

Аэрин присел у края дороги, пока не приближаясь к самой повозке. Зола давно остыла, поверх неё лежали несколько свежих сосновых игл, принесённых ночным ветром. Мухи уже нашли лошадь, но тяжёлого запаха разложения ещё почти не было. Он коснулся кончиками

пальцев тёмного пятна на камне, растёр сажу и посмотрел, насколько глубоко прогорела древесина.

— Вчера вечером. Возможно, незадолго до темноты.

Кейра положила ладонь на рукоять меча.

— Разбойники?

— Возможно.

Она посмотрела на него искоса.

— Это прозвучало как «нет».

— Пока оно звучит как «возможно».

Аэрин начал обходить место по широкой дуге. Опыт довольно быстро научил его не смотреть туда, куда происшествие слишком настойчиво приглашало смотреть. Перевёрнутая телега, мёртвая лошадь и обгоревшее дерево забирали внимание сами; куда важнее было понять, что происходило вокруг них. На целой траве у северного края дороги он нашёл следы двух людей. Оба бежали к склону, один заметно прихрамывал, а второй несколько раз поворачивался назад или пятился — отпечатки сапог меняли направление. Дальше каменистая почва съедала след.

Ещё один отпечаток находился у мёртвой лошади. Аэрин остановился над ним дольше.

След был шире его ладони: четыре пальца, тяжёлая передняя подушечка и глубокие царапины от коротких когтей. Обычный волк не оставил бы такого следа даже после разговора с рыбаком, которому требовалось убедительно объяснить размер пойманной добычи.

Кейра присела рядом.

— Медведь?

— Волк.

Она снова посмотрела на отпечаток.

— Очень уверенный в себе волк.

— Огненный.

Теперь Кейра перевела взгляд на сгоревшую повозку.

— Я всё-таки надеялась, что ты скажешь «очень большая собака».

— Могу.

— Не поможет.

Через несколько минут Аэрин нашёл ещё два следа, потом четвёртый, и картина постепенно стала складываться. Зверей было не меньше пяти: два крупных, остальные несколько мельче. Они вышли со склона, какое-то время шли параллельно повозке, затем окружили её. Один прыгнул на задний борт, другой оказался перед лошадьми. По земле тянулась глубокая полоса от копыт — животное металось в упряжи, пока жара не стало достаточно, чтобы оно рухнуло.

Именно это Аэрину и не нравилось.

Он выпрямился, оглядывая окрестности. Огненные волки могли появляться в этих лесах, но обычно держались значительно западнее, возле тёплых ущелий, каменных осыпей и мест, где подземное тепло подходило близко к поверхности. Зимой отдельный зверь иногда спускался к поселению за овцами; старый или раненый волк мог потерять обычную осторожность. Но целая стая не должна была несколько километров преследовать повозку по оживлённому королевскому тракту, а тем более атаковать её ещё засветло.

У заднего борта он заметил ещё одну странность. Дерево не просто обгорело: на нём оставались прямые чёрные полосы, словно к доскам несколько раз прижимали раскалённое железо. В золе лежал погнутый металлический прут толщиной с большой палец. Аэрин поднял его через кусок ткани и увидел на конце остаток петли.

— Что это? — спросила Кейра, подходя ближе.

— Часть клетки.

Она нахмурилась.

— В повозке кого-то перевозили?

— Похоже на то.

Аэрин раздвинул носком сапога золу и обнаружил ещё одну металлическую полосу, маленькое кольцо цепи и кусок засохшей белой глины, которой изнутри были обмазаны прутья.

Подозрение, до этого остававшееся просто неприятным, окончательно превратилось в проблему.

— Возвращаемся, — сказал он.

Кейра не стала спрашивать, уверен ли он.

— Уже понял, что произошло?

— Нет. Но понял достаточно, чтобы не хотеть ждать здесь, пока продолжение само нас найдёт.

Родек Далль выслушал их спокойно, ни разу не перебив. Именно за это Аэрин уважал его больше всего. Родек мог полчаса спорить о цене овса или доказывать вознице, что скрипящее колесо ещё спокойно дотянет до следующего поста, но в момент настоящей опасности умел не путать упрямство с храбростью.

Рем Кассар таким достоинством не обладал.

— То есть вчера пятеро волков напали на какую-то чужую телегу, — переспросил он, когда Аэрин закончил. Купец стоял возле своей повозки, придерживая борт ладонью так, будто без него вся конструкция могла немедленно рассыпаться. — И поэтому мы собираемся потерять ещё полдня?

— Нет, — ответил Аэрин.

Рем заметно оживился.

— Наконец-то.

— Мы потеряем больше.

Выражение его лица снова испортилось.

Родек тем временем смотрел на дорожную карту, которую Аэрин развернул на борту первой повозки.

— Куда предлагаешь идти?

Аэрин провёл пальцем по извилистой линии тракта. Примерно через три километра тот пересекал Каменный ручей — большую галечную ложбину, где летом воды оставалось едва по колено, зато русло было широким и почти лишённым сухой растительности.

— До ручья. Там остановимся. Камень, вода, открытое пространство. Если стая приблизится, хотя бы увидим её раньше.

Кейра скрестила руки на груди.

— А если она уже идёт за нами?

— Тогда тем более узнаем.

Она тяжело вздохнула.

— Это у тебя профессиональная версия успокаивающей речи?

Аэрин задумался на секунду.

— Да.

— Работай над ней.

— Мне уже говорили.

С козел первой повозки подал голос Роан:

— А чем огненный волк отличается от обычного? Кроме того, что, судя по названию, у него есть очевидное преимущество в споре с сухим лесом.

Аэрин посмотрел на парня. Роану было около девятнадцати. За первые десять дней пути он успел трижды спросить, как правильно натягивать тетиву, один раз потерять нож и дважды обнаружить его в собственном сапоге. При этом с лошадьми обращался превосходно, тяжёлой

работы не избегал и обладал полезной способностью испугаться опасности раньше, чем она откусит от него что-нибудь важное.

— Обычный волк не поджигает тебя, когда кусает, — ответил Аэрин.

Роан подождал продолжения.

— И всё?

— Тебе мало?

Кейра тихо усмехнулась, а Аэрин всё-таки пояснил, пока люди начинали готовить повозки к движению:

— Они значительно крупнее обычных. На короткой дистанции очень быстрые. Когда зверь возбуждён или готовится нападать, температура тела повышается, под шерстью появляется красное свечение, особенно на груди и шее. Некоторые способны выбрасывать из пасти короткую струю пламени на несколько метров.

Роан заметно пожалел, что спросил.

— А вода?

— Не убивает. Но быстро охлаждает и заставляет зверя тратить силы, чтобы снова поднять температуру.

— Значит, если нападут, нам надо просто прыгнуть в ручей?

— Если я скажу прыгать.

— Понял.

Рем Кассар раздражённо поправил манжету.

— Все эти подробности звучат впечатляюще, но пять зверей не нападут на караван из четырнадцати человек.

Аэрин повернул к нему голову.

— Вчера напали.

— На одну небольшую повозку.

— Тут они увидят больше еды.

Кассар уже набрал воздух для ответа, но Родек оказался быстрее.

— Выдвигаемся. Без остановок до Каменного ручья. Кейра, людей по сторонам. Аэрин идёт впереди. Рем, если тебе очень хочется помочь, сядь в свою повозку и хотя бы четверть часа не объясняй тем, кого мы наняли для охраны, как именно им тебя охранять.

Роан отвернулся, плохо скрывая улыбку.

Караван двинулся.

Аэрин предпочёл идти пешком. С земли было проще читать дорогу, особенно когда он сам ещё не знал, что именно надеется найти. Несколько раз попадались отдельные следы стаи: глубокий отпечаток на мягкой земле, кусок тёмной шерсти на низкой ветке, небольшое пятно травы, почерневшей без видимых следов обычного огня. Волки всё это время держались параллельно тракту, достаточно далеко, чтобы люди их не заметили. Это было плохо.

Через полтора часа следы изменили направление, и стало значительно хуже.

Стая больше не шла за сгоревшей повозкой. Она шла за ними.

Каменный ручей оказался почти таким, каким Аэрин его помнил. Между двумя пологими лесными склонами лежала широкая полоса серой гальки, по центру которой текла вода глубиной немного выше щиколоток. Весной талая вода заполняла всё русло и превращала его в поток шириной почти два десятка метров, ежегодно напоминая королевским дорожникам, что настоящий мост здесь когда-нибудь всё-таки придётся построить.

Повозки поставили прямо на камнях. Две развернули поперёк русла, ещё две расположили под углом, чтобы оставить проход к воде и создать хотя бы подобие внутреннего двора. Лошадей отвели в середину. Кейра распределила людей по постам, а Аэрин снял с телег несколько плотных попон и заставил замочить их в ручье.

Рем Кассар наблюдал за этим со всё более выраженным страданием.

— Они нужны лошадям ночью.

Аэрин закреплял мокрую ткань на внешнем борту и даже не поднял головы.

— Если волки подойдут, лошадям будет жарко.

— Ты специально отвечаешь именно так?

— Обычно.

— Удивительный талант.

— Спасибо.

Рем ушёл, всё ещё не сумев определить, был ли это очередной сухой ответ или насмешка. Аэрин закончил с попоной и осмотрел лагерь. Солнце уже касалось верхушек сосен, длинные тени пересекали русло, воздух быстро холодал, хотя камни под ногами пока сохраняли дневное тепло. Он терпеть не мог ждать нападения. В ожидании опасность редко становилась меньше, зато у людей появлялось слишком много времени, чтобы самостоятельно придумать ей размеры, количество зубов и предпочтительный способ собственной смерти. Те, кто ещё утром уверял, будто пятеро волков ничего не сделают четырнадцати вооружённым людям, теперь старались держаться ближе к повозкам.

Следов стаи в непосредственной близости пока не было.

Вернувшись после очередного обхода, Аэрин увидел Кейру на перевёрнутом ведре. Она медленно точила короткий меч, положив арбалет рядом на камень.

— Первую стражу возьму сама, — сказала она. — Людей поставлю по двое. Через два часа сменим.

— Первую возьмём вместе.

Кейра подняла глаза.

— Ты с рассвета на ногах.

— Не с рассвета.

— На целый час позже?

— Примерно.

Она провела оселком по лезвию ещё раз.

— Это совершенно меняет дело.

— Я тоже так думаю.

Кейра некоторое время смотрела на него, затем усмехнулась.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Как будто каждую фразу сначала проверяешь, нет ли внутри спрятанной ловушки.

Аэрин ненадолго задумался.

— Не каждую.

Она ждала.

— Иногда ловушка не спрятана.

Кейра покачала головой.

Возле костра Родек раздавал людям миски с густой кашей, которую Роан приготовил с большим энтузиазмом и почти без соли. Разговоры постепенно становились громче, и на некоторое время лагерь снова превратился в обычный дорожный обоз. Двое возниц спорили о лошадях, один из охранников рассказывал историю о грифоне, который однажды утащил у его дяди сапог, а через год якобы вернул второй, и даже Кассар ненадолго перестал объяснять окружающим, насколько дорого ему обходится эта задержка.

Аэрин ел молча и смотрел на лес.

Огненные волки не любили воду. Это не означало, что мелкий ручей их остановит, однако им придётся выйти на открытые камни, где нельзя подобраться вплотную незамеченными, а

мокрая галька не вспыхнет под лапами. План был простым и вполне разумным. Хорошие планы иногда даже работали.

Когда ночь окончательно накрыла лес, Аэрин услышал первый треск ветки.

Звук был настолько тихим, что любой из людей у костра не обратил бы на него внимания. Потом хрустнуло ещё раз, чуть левее. Между соснами на склоне ненадолго загорелась красная точка.

Кейра уже была на ногах.

— Вижу.

Аэрин положил стрелу на тетиву. Свет исчез и через несколько мгновений появился ниже.

— Всем подняться, — распорядилась Кейра, не повышая голоса, но разговоры возле костра оборвались почти мгновенно. — Лошадей держать в центре. Вёдра и мокрые ткани рядом. Не стрелять без команды.

Рем Кассар выглянул из своей повозки.

— Что происходит?

— Вернитесь внутрь, — сказал Аэрин.

— Я не собираюсь сидеть в деревянной коробке, если вокруг ходят огненные...

Со стороны леса раздалось низкое рычание.

Кассар исчез внутри значительно быстрее, чем собирался.

Первый волк вышел на камни.

Аэрину прежде приходилось видеть этих зверей, но воспоминание всегда делало расстояние между человеком и хищником удобнее, чем оно было на самом деле. Этот зверь достигал почти полтора метра в холке, был широк в груди, тяжёл в плечах и двигался так бесшумно, словно собственный вес ничего для него не значил. Пока огненный волк спокоен, его действительно можно было принять за необычайно крупного чёрного хищника. Сейчас под шерстью на шее и боках медленно пульсировало багровое свечение, словно внутри тела разгорались угли. Из пасти с каждым выдохом выходил пар.

Справа появился второй. Третий остался между деревьями.

— Они попробуют нас окружить? — тихо спросил Роан.

Аэрин не отрывал взгляда от первого зверя.

— Уже.

Парень сглотнул.

— А обязательно было говорить правду?

— Ты спросил.

Волк пошёл вперёд и почти сразу показал, что интересуют его вовсе не люди. Он направлялся прямо к третьей повозке. Повозке Кассара.

Аэрин заметил это раньше остальных. Зверь не смотрел ни на лошадей, ни на вооружённых охранников, ни на стоящих ближе людей. Его взгляд не отрывался от тёмной телеги с красным торговым знаком на борту.

— Не стрелять, — тихо предупредил Аэрин, не отрывая взгляда от зверя.

Кейра быстро посмотрела на него, словно проверяя, действительно ли расслышала правильно, но спорить не стала. Она подняла ладонь, удерживая арбалетчиков на местах.

— Держать. Без команды не стрелять.

Волк тем временем ускорился. Он уже почти пересёк русло и находился примерно в десяти метрах от повозки Кассара, когда из-под натянутого полотнища донёсся тонкий, высокий звук — короткий писк, слишком слабый для человека и слишком живой для любого груза, который должен был находиться внутри. Зверь остановился так резко, что передние лапы проскользили по мокрым камням.

Аэрин медленно повернул голову к телеге. Несколько мгновений ничего не происходило, а потом писк повторился. Теперь его услышали уже все. Полотнище у заднего борта дёрнулось, и наружу выглянул Рем Кассар. Даже в слабом свете костра было заметно, как побледнело его лицо.

— Что у тебя в повозке? — спросил Аэрин.

Кассар задержался с ответом всего на мгновение, но этого оказалось достаточно.

— Товар.

— Какой товар?

— Мой, — отрезал купец и крепче ухватился за край полотнища.

Волк низко зарычал. Красные линии под чёрной шерстью вспыхнули ярче, особенно на груди и вдоль шеи, и Аэрин окончательно понял, что зверя интересует не караван и даже не люди вокруг него. Он смотрел только на эту повозку.

— Открывай, — сказал Аэрин уже громче.

— У меня есть все документы! — Кассар отступил на полшага, словно бумаги могли сейчас оказаться убедительнее огромного хищника посреди русла.

— Я не спрашивал о документах. Открой повозку.

Кассар так и не успел ответить. Волк припал к земле, багровое свечение под шерстью вспыхнуло почти оранжевым, а в следующее мгновение зверь сорвался с места.

Кейра мгновенно вскинула арбалет.

— Сейчас! — крикнула она.

Арбалетный болт ударил зверя в плечо и развернул его на бегу. Стрела Аэрина почти одновременно вошла ниже, в переднюю лапу. Волк упал, но мгновенно поднялся, и воздух перед его пастью дрогнул от жара.

— Вниз!

Короткая вспышка огня ударила по внешнему борту телеги. Это не было длинным потоком пламени из трактирных историй о драконах: всего несколько метров яростного жара, но мокрая попона взвилась облаком пара, ближайшие люди отшатнулись, а за спиной Аэрина в панике закричала лошадь.

Слева появился второй волк.

Один из арбалетчиков выстрелил раньше команды и промахнулся. Зверь прыгнул на борт первой повозки, дерево под его лапами сразу задымилось. Кейра выхватила у Роана короткое копьё, упёрла древко в камень и встретила прыжок остриём. Волк извернулся в воздухе, плечом отбил оружие и рухнул совсем рядом, однако выигранного мгновения хватило, чтобы Роан и один из возниц выплеснули на него два ведра воды.

Пар взметнулся над руслом густым белым облаком, на несколько секунд скрыв волка почти целиком. Изнутри донёсся резкий вой, а когда зверь выскочил из пара, он уже отступал, тяжело переставляя лапы; багровое свечение под шерстью заметно померкло, будто холодная вода действительно вытянула из него часть жара. Аэрин не стал пытаться добить его. Следующая стрела ударила в камень прямо перед мордой зверя и вынудила того отшатнуться ещё дальше от Кейры, после чего Аэрин сразу перевёл взгляд на третью повозку.

Первый волк снова двигался к ней. Ранение лишь немного изменило его походку, и даже летевшие вокруг стрелы не заставляли зверя искать более лёгкую добычу. Он почти не замечал ни людей, ни лошадей, упрямо возвращаясь к одной и той же телеге. Теперь сомнений не оставалось: волк не охотился на караван — ему было нужно что-то внутри.

— Кассар! — крикнул Аэрин, но купец уже выбрался на заднюю площадку с коротким арбалетом в руках. Увидев, как тот вскинул оружие, Аэрин резко добавил: — Не смей стрелять!

Рем даже не посмотрел в его сторону. Тетива хлопнула, болт вошёл волку в бок, и зверь дёрнулся всем телом. Именно тогда Аэрин окончательно понял, что до этого принимал за обычную настойчивость хищника. Волк не просто преследовал добычу и не пытался найти слабое

место в обороне. После выстрела Кассара его поведение изменилось почти мгновенно: он прижал уши, развернулся к торговцу, а свечение вдоль шеи стало ярче. В этой реакции было слишком мало охотничьего расчёта и слишком много ярости.

Зверь рванулся к повозке. Аэрин успел пустить стрелу ему под лапы, вынуждая изменить направление, Кейра ударила клинком по камню прямо перед мордой, осыпав его искрами, а Роан выплеснул оставшуюся воду. Все три действия почти совпали, и на несколько секунд этого оказалось достаточно: волк остановился, тяжело дыша, отступил на пару шагов и словно впервые оценил людей вокруг как настоящую угрозу.

Из леса донёсся протяжный низкий вой.

Все три зверя отреагировали одновременно. Тот, что стоял возле повозки, поднял голову, второй замер у края русла, а третий показался между соснами всего на мгновение. Потом стая без всякого предупреждения отступила. Волки развернулись и один за другим исчезли среди деревьев так быстро, что ещё несколько секунд люди продолжали держать оружие наготове, ожидая новой атаки.

Над Каменным ручьём медленно рассеивался пар. Лошади беспокойно били копытами по гальке, на мокрых камнях лежали болты и стрелы, а на борту одной из повозок продолжала тлеть широкая чёрная полоса. Только убедившись, что из леса больше никто не выходит, Кейра опустила меч и вытерла свободной рукой мокрые волосы со лба.

— Это всё? — спросила она, всё ещё глядя на деревья.

Аэрин не ответил сразу. Волки ушли слишком быстро и слишком согласованно, а главное — они так и не получили того, ради чего пришли. Он проследил взглядом за последним местом, где мелькнул красный свет между стволами, и лишь потом покачал головой.

— Нет.

Кейра тяжело выдохнула и повернулась к нему.

— Я почему-то именно это и ожидала услышать.

Аэрин уже смотрел на третью повозку. Рем Кассар всё ещё стоял на задней площадке, прижимая арбалет к груди, будто оружие могло защитить его не только от волков, но и от вопросов, которые теперь неизбежно последуют.

— Открывай повозку, — сказал Аэрин.

Купец напрягся.

— У меня законно приобретённый товар.

Родек Далль подошёл с другой стороны. Обычно спокойный караванщик сейчас выглядел так, будто Кассар лично поджёг все его телеги, а затем потребовал плату за представление.

— Рем, — тихо произнёс он, — открой повозку.

— У тебя нет права...

— У меня сейчас горит борт, Кейре чуть не откусили руку, а три огненных волка дважды пытались добраться именно до твоего груза. Право мы обсудим позже, когда мне перестанет хотеться бросить тебя в ручей.

Кассар оглядел людей, понял, что поддержки не будет, и через минуту снял замок.

Внутри лежали обычные товары: ковры, краски, мешки сушёных грибов, небольшой бочонок горного мёда. Аэрин почти сразу заметил, что пол повозки поднят выше обычного. Он отодвинул один из мешков и обнаружил деревянную крышку с металлическими петлями, покрытыми той же белой глиной, которую видел на остатках первой клетки.

— Не надо, — сказал Кассар.

Аэрин посмотрел на него.

— Уже поздно.

Под крышкой скрывалось низкое отделение, внутри которого стояла железная клетка. Прутья были покрыты толстым слоем охлаждающей глины, по углам лежали влажные полотнища, а внутри, прижавшись друг к другу, сидели два волчонка.

Один поднял голову.

Его глаза казались почти обычными, тёмными, однако под короткой чёрной шерстью уже едва заметно мерцал багровый свет. На морде была затянута железная сетка.

Роан негромко выругался.

Кейра очень медленно повернулась к Кассару.

— Ты вёз детёнышей.

— Это не детёныши, а молодняк, — поспешно возразил торговец. — Ценный живой товар. Я за них заплатил.

Аэрин протянул руку к клетке, но остановился, почувствовав жар ещё до того, как коснулся металла. Один из волчат тихо заскулил.

Где-то далеко в лесу ему ответил взрослый волк.

Теперь всё наконец стало понятно. И от этого легче не стало.

— Я их купил, — уже в четвёртый раз повторил Кассар.

Он сидел возле ручья под присмотром охранника, а Кейра стояла рядом, скрестив руки на груди. По её выражению Аэрин догадывался, что женщина всё сильнее сожалела о наличии в Эрдеване законов, запрещающих привязывать некоторых торговцев к ближайшему дереву до приезда дорожного судьи.

Сам он тем временем соскребал засохшую глину с одного из прутьев. Под ней обнаружилось клеймо из трёх пересекающихся крюков. Такое же он видел на остатках клетки у сгоревшей повозки.

— У кого купил? — спросил Аэрин.

Кассар отвёл глаза.

— У охотников.

— Имена.

— Зачем?

Аэрин поднял на него взгляд.

— Чтобы знать, кого искать, если стая вернётся до рассвета.

Рем помолчал.

— Братья Лоэр. Они работают у Красных ложбин. Ловят редких животных, иногда живьём.

— Законно? — спросила Кейра.

Кассар раздражённо посмотрел на неё.

— У них лицензия на промысел.

— На огненных волков?

Ответа не последовало.

Аэрин присел возле клетки. Волчата выглядели плохо. Старшему было не больше четырёх месяцев, младший лежал, положив голову на лапы, и слишком часто дышал. Железные сетки на мордах не позволяли им нормально раскрывать пасть и охлаждаться.

Злость у Аэрина редко выражалась вспышкой. Чем сильнее его что-то выводило из себя, тем спокойнее он обычно становился и тем яснее видел, что нужно делать дальше. Сейчас список получался неприятно длинным: снять с волчат намордники, дать им воды, не позволить перегреться окончательно, затем придумать, как вернуть детёнышей стае, не подвергнув опасности весь караван и не устроив пожар посреди сухого соснового леса. Где-то рядом в этом перечне находилась ещё одна задача — не позволить Рему Кассару принять хотя бы одно новое самостоятельное решение.

Аэрин снова посмотрел на клеймо из трёх пересекающихся крюков.

— Где ты их взял?

Кассар некоторое время молчал, словно всё ещё надеялся отделаться ответом про законно приобретённый товар.

— У братьев Лоэр.

— Когда?

— Четыре дня назад. Мы встретились на постоялом дворе у развилки на Красные ложбины. Они привезли животных оттуда.

Родек нахмурился.

— И ты всё это время вёз их с нами?

— В закрытом отделении, — раздражённо ответил Кассар. — Они не должны были никому мешать.

Кейра посмотрела на клетку, потом на почерневший борт соседней повозки.

— Очень убедительно получилось.

Аэрин пропустил замечание мимо ушей.

— Сколько волчат было у Лоэров?

Кассар помедлил.

— Три.

— А купил ты двух.

— Да. Третий уже был обещан другому человеку.

Теперь Аэрин вспомнил погнутый прут, найденный среди золы у сгоревшей телеги, и белую глину на его внутренней стороне. Та же смесь покрывала клетку перед ним.

— Повозка, которую мы нашли сегодня, принадлежала Лоэрам.

Кассар резко поднял голову.

— Что?

В его лице впервые появилось неподдельное удивление, и Аэрин почти сразу понял, что на этот раз торговец не притворяется.

— Та сгоревшая телега на дороге, — пояснила Кейра. — С клеткой внутри.

Кассар несколько секунд смотрел на неё.

— Они были впереди нас?

— Были, — ответил Аэрин. — И вчера стая их догнала.

Торговец побледнел и невольно посмотрел в сторону тёмного леса.

— Лоэры говорили, что волки не уйдут далеко от Красных ложбин. Что через день или два они перестанут искать.

— Они ошиблись, — сказал Аэрин. — Или сказали тебе то, что было нужно, чтобы ты заплатил.

Родек тихо выругался.

Аэрин тем временем намочил перчатку и осторожно положил ладонь на один из прутьев. Вода сразу зашипела.

— Если третий волчонок оставался у Лоэров, стая могла найти его вчера. Поэтому часть зверей могла задержаться возле той повозки, а остальные пошли дальше за этими двумя.

Кейра посмотрела туда, где за пределами света начинались сосны.

— То есть теперь они знают, что здесь остались остальные.

— Да.

Кассар быстро повернулся к Аэрину.

— Откуда они вообще могут знать?

— Запах. Голоса детёнышей. След клетки. Может быть, всё сразу. — Аэрин снова посмотрел на двух волчат. — Но причина уже не особенно важна. Они пришли за ними и придут снова.

Несколько мгновений возле повозки было тихо.

— Волчат отпустим, — сказал Аэрин.

Кассар вскочил с камня так резко, что охранник рядом потянулся к оружию.

— Нет!

Кейра оказалась быстрее. Она положила ладонь торговцу на плечо и без видимого усилия усадила его обратно.

— Сиди, Рем. Ты сегодня уже достаточно помог.

— Вы не понимаете, сколько стоят эти звери! — возмутился он, переводя взгляд с неё на Аэрина. — За пару живых детёнышей можно получить...

— Я прекрасно понимаю их стоимость, — перебил Аэрин и поднялся.

На лице Кассара на мгновение мелькнула надежда.

— Тогда ты понимаешь, что...

— Они стоят меньше четырнадцати людей, четырёх повозок и двадцати двух лошадей.

Надежда исчезла.

— Это моя собственность.

— Сейчас твоя собственность — причина, по которой за нами идёт стая огненных волков.

— У меня есть договор и документы на груз.

— Отлично. Покажешь их дорожному судье и заодно объяснишь, почему лицензия позволяет тебе перевозить этих зверей.

Родек, до этого слушавший спор молча, нахмурился и посмотрел сначала на клетку, потом на карту, разложенную на борту повозки.

— Выпустить их прямо здесь тоже нельзя. Если взрослые придут в лагерь за детёнышами, лошади сорвутся раньше, чем мы успеем понять, с какой стороны начинается пожар.

— Поэтому не здесь, — согласился Аэрин. Он провёл пальцем по карте вдоль линии ручья. — Примерно в двух километрах выше по руслу есть старая вырубка. Каменная площадка, открытое пространство, лес отходит дальше от воды. Клетку отнесём туда утром, откроем и уйдём. Если стая следит за нами, она найдёт детёнышей.

Кейра медленно подняла бровь.

— Мне особенно нравится слово «отнесём».

Аэрин посмотрел на неё.

— Я, ты и двое людей.

— Ещё лучше. Приятно узнавать собственные планы заранее.

— Возражаешь?

Она несколько секунд изучала карту, затем нехотя покачала головой.

— Нет, но исключительно из принципа хотела бы отметить, что могла бы.

Родек провёл пальцем по дороге дальше на юг.

— После этого возвращаемся сюда и ждём?

— Да. Если волки заберут детёнышей и уйдут, на рассвете собираемся и продолжаем путь. Если не уйдут, будем решать дальше.

Кассар снова открыл рот.

— Вы не можете просто...

Родек повернулся к нему с таким выражением, что купец осёкся ещё до окончания фразы.

— Рем, если ты ещё раз начнёшь предложение со слов «вы не можете», я действительно сяду и составлю список всего, что мы можем сделать с человеком, который сознательно привёл к моему каравану стаю огненных волков. И, боюсь, Аэрин окажется самым законопослушным человеком из присутствующих.

Аэрин слегка приподнял бровь.

— Вероятно.

Родек указал на него.

— Видишь? Даже он не уверен.

Кейра всё-таки рассмеялась, и напряжение вокруг повозки на несколько секунд ослабло. Потом из клетки донёсся тихий, почти измученный скулёж. Аэрин сразу присел рядом, снова коснулся нагретых прутьев мокрой перчаткой и посмотрел на металлические сетки, стягивавшие морды волчат.

— Намордники нужно снять сейчас. До утра младший может не дотянуть.

Кейра подошла ближе и осторожно поднесла ладонь к клетке, не касаясь раскалённых прутьев.

— Металл всё ещё горячий.

— Поэтому возьмём мокрую ткань и перчатки.

Роан тут же появился рядом с ведром.

— Я помогу.

Аэрин посмотрел на него, затем на клетку.

— Лучше держи воду.

Парень нахмурился.

— Почему? У меня руки не хуже твоих.

— Именно поэтому я предпочту, чтобы они такими и остались. Если что-то пойдёт не так, мне понадобится человек, который сможет открыть вторую застёжку, а не ещё один человек с ожогами.

Роан немного подумал и нехотя протянул ему мокрую ткань.

— То есть ты первым рискуешь руками исключительно из практических соображений?

— Разумеется.

— А я уже решил, что это благородство.

Аэрин обмотал ткань вокруг перчатки и взялся за нагретый прут.

— Не порть мне репутацию.

С первым намордником пришлось возиться несколько минут. Застёжка нагрелась, ремешок глубоко впился в шерсть, а волчонок ещё пытался кусаться сквозь металлическую сетку, хотя сил у него почти не оставалось. Когда застёжка наконец поддалась, зверёк раскрыл пасть и тяжело задышал. Из ноздрей потянулся тонкий дым.

Роан инстинктивно отступил.

— Он дымится.

Кейра усмехнулась.

— Ты после длинного подъёма тоже выглядишь примерно так же.

— От меня хотя бы лес не загорается.

Второй волчонок почти не отреагировал, когда Аэрин снял с него сетку. Это тревожило гораздо сильнее.

— Воду прямо на них не лить, — предупредил он. — Поставьте рядом. Если охладить слишком быстро, можем только навредить.

Родек посмотрел на него с сомнением.

— Часто лечишь огненных волков?

— Первый раз, — Аэрин помолчал, ожидая что скажет караванщик, и продолжил. — Но перегретые животные обычно одинаково недовольны своим состоянием.

— Прекрасно успокоил.

— Сегодня с этим плохо.

Ночь давно вступила в свои права. Люди снова разошлись по местам, а Аэрин остался рядом с клеткой и некоторое время наблюдал, как старший волчонок осторожно пьёт из металлической чаши, быстро нагревая воду языком.

Через несколько минут он почувствовал чужой взгляд.

Кассар сидел у колеса.

— Ты их жалеешь, — сказал торговец.

Аэрин повернул голову.

— Нет.

— Тогда зачем всё это?

— Потому что хочу дожить до утра.

— Можно было просто перебить стаю.

— Можно.

— Вот и...

— Ты видел, как двигались те трое?

Кассар замолчал.

— Их минимум пять, — продолжил Аэрин. — Возможно, больше. Вокруг сухой сосновый лес. Трое наших людей сегодня уже промахивались по ним с открытого места. Один стрелял после прямой команды не стрелять.

Кассар отвёл глаза.

— Я попал.

— Поэтому всё стало хуже.

Купец нахмурился.

— Почему?

Аэрин посмотрел в сторону леса.

— Потому что теперь один из них знает твой запах.

На этот раз это не было шуткой. Кассар больше ничего не сказал.

Аэрин проснулся от крика лошади и совершенно не запомнил, как поднялся на ноги.

Мгновение назад он лежал возле колеса, завернувшись в плащ и оставив лук под рукой, а теперь уже видел оранжевое зарево за телегами и слышал, как Кейра отдаёт команды:

— Лошадей к воде! Не выводить из центра!

Клетки на месте не было. Аэрин повернулся к Роану. Парень стоял у третьей повозки, глядя куда-то за пределы лагеря.

— Кассар...

Одного имени оказалось достаточно. Выше по руслу уходила маленькая грузовая телега: на козлах сидел Рем.

Аэрин прикрыл глаза на долю секунды.

— Конечно.

Торговец успел проехать около ста метров, когда из леса вылетел первый волк. Зверь ударил в телегу сбоку с такой силой, что колёса на мгновение оторвались от камней. Перед самым прыжком багровое свечение под его шерстью стало ярче, и дерево задымилось ещё до того, как лапы коснулись борта. Кассар дёрнул поводья, пытаясь удержать перепуганную лошадь, клетка внутри перевернулась, и почти сразу из-под полотнища донёсся пронзительный визг волчат. Ответ пришёл из леса с нескольких сторон — низкое рычание, быстрый треск ветвей, короткий вой, настолько близкий, что Аэрин уже не сомневался: большая часть стаи успела окружить русло.

— Назад! — крикнул он, продолжая бежать.

Кассар то ли не услышал, то ли снова решил, что чужие указания существуют исключительно как необязательные рекомендации. Он хлестнул лошадь вожжами, заставляя её рвануть вперёд, и телега проскочила ещё несколько метров, прежде чем прямо посреди русла появилась огромная волчица. Она была заметно крупнее остальных, тяжёлая в плечах, с надорванным ухом и глубоким багровым свечением под шерстью на груди. Из левого плеча по-прежнему торчал обломок того самого арбалетного болта, которым Кассар ранил её во время первой атаки.

Лошадь шарахнулась в сторону и встала на дыбы. Телегу развернуло поперёк русла, колесо ударилось о крупный камень, и вся конструкция опрокинулась. Кассара выбросило с козел, клетка вылетела из кузова и прокатилась по гальке. Волчица сразу бросилась к ней, не обращая внимания ни на лежащего торговца, ни на приближающихся людей, и на короткое мгновение Аэрин решил, что им всё-таки повезло: если звери получат детёнышей, нападение может закончиться здесь.

Справа хлопнула арбалетная тетива.

Один из подоспевших охранников выстрелил прежде, чем Аэрин успел его остановить. Болт прошёл мимо волчицы и с металлическим звоном ударил в клетку. Волчата снова завизжали, и реакция взрослого зверя была мгновенной. Волчица развернулась, воздух перед её пастью дрогнул от жара, а затем над руслом пронёсся короткий огненный выброс.

— Ложись!

Охранник рухнул, закрывая голову руками. Пламя прошло чуть выше, но зацепило край плаща, и уже через секунду ткань загорелась. Кейра подоспела сзади, толкнула мужчину на камни и прижала огонь мокрой попоной. Почти одновременно из леса вышли ещё три зверя. На этот раз они не прятались среди деревьев и не пытались пробраться к клетке, избегая людей: после крика детёнышей осторожность закончилась. Первый волк двинулся к охраннику справа, второй начал обходить Кейру, а третий остался ближе к краю леса, перекрывая путь назад.

— Отходим к лагерю! — крикнула Кейра, поднимаясь с колена.

Аэрин уже натягивал тетиву и сразу покачал головой.

— Нет! Приведём их к лошадям — загорится весь лагерь. Держим здесь!

Первую стрелу он пустил волку под лапы, рассчитывая сбить темп атаки, но зверь перепрыгнул её почти не замедлившись. Вторая вошла в грудь и заставила хищника изменить шаг ровно настолько, чтобы Кейра успела встретить его коротким копьём. Она не пыталась остановить весь вес разогнавшегося зверя: в последний момент сместила древко и отвела прыжок в сторону. Волк тяжело ударился о гальку, перекатился и почти сразу поднялся, тогда как второй уже заходил к ней со спины, пользуясь дымом от перевёрнутой телеги.

Сухая трава на краю русла вспыхнула от разлетевшихся искр. Ветер потянул огонь к соснам.

— Роан! — крикнул Аэрин, увидев новую угрозу. — В лагерь. Приводи всех, кто может таскать воду, но лошадей не выводить!

Парень сорвался с места, а Аэрин сместился ближе к Кейре. Волки не действовали по человеческому плану, но стае он и не требовался: один зверь заставлял человека повернуться, второй заходил туда, откуда уходил взгляд, третий держался чуть дальше и ждал ошибки. Аэрин выпустил две стрелы почти подряд. Первая заставила обходившего Кейру волка пригнуться, вторая вошла ему в бок и сбила с линии атаки. Кейра тут же воспользовалась появившимся пространством и отступила к Аэрину, удерживая меч перед собой.

— Есть идеи? — спросила она, не сводя глаз с ближайшего зверя.

— Несколько.

Кейра отбила короткий выпад и снова отступила на шаг.

— Хороших?

— Пока нет.

— Очень вовремя решил быть честным.

Несмотря на бой вокруг, волчица почти не отвлекалась от клетки. Она хватала дверцу зубами, тянула, отступала и снова пыталась сорвать замок. Металл постепенно краснел там, где его касалась пасть, а охлаждающая глина покрывалась трещинами, но дверца всё ещё держалась.

Именно в этот момент Кассар пришёл в себя.

Аэрин увидел движение возле перевёрнутой телеги слишком поздно. Купец приподнялся на локте, несколько секунд пытался понять, где находится, затем заметил волчицу над клеткой и потянулся к арбалету, лежавшему всего в паре шагов.

— Не трогай оружие! — крикнул Аэрин.

Кассар уже схватил арбалет.

— Она нас убьёт!

— Ей нужна клетка! Оставь её!

— Это зверь!

— Рем, не...

Тетива хлопнула.

Болт вошёл волчице в заднюю лапу.

Она застыла над клеткой, и Аэрин впервые за всю ночь подумал совершенно ясную и крайне непрофессиональную мысль о том, что Родек, возможно, предлагал слишком мягкие варианты обращения с этим человеком. Волчица медленно повернула голову к Кассару. Багровый свет вдоль груди и шеи разгорелся почти добела, из пасти пошёл густой дым.

— Теперь беги! — крикнул Аэрин.

На этот раз торговец послушался без споров, однако несколько секунд назад это принесло бы значительно больше пользы. Волчица сорвалась с места, и Кассар едва успел добежать до перевёрнутой телеги. Аэрин побежал наперерез, понимая, что остановить взрослого зверя одной стрелой вряд ли сможет. Поэтому он выстрелил не в неё, а в камень перед мордой. Наконечник высек искры, волчица резко изменила направление, и потерянного мгновения хватило, чтобы Кассар нырнул за телегу.

Аэрин уже собирался отступить, когда движение справа оказалось слишком близким. Он успел лишь развернуться и выставить перед собой лук. Волк врезался в него грудью, дерево треснуло почти у самой рукояти, а Аэрин рухнул спиной на мокрую гальку. Вес зверя был огромным, но хуже оказался жар: воздух словно исчез из лёгких, лицо обдало горячей волной, будто он оказался перед открытой дверцей кузнечной печи. Над ним нависла тяжёлая чёрная голова, между зубами разгорался красный свет.

Аэрин ударил зверя обломком лука, скорее выигрывая секунду, чем надеясь причинить серьёзный вред. Волк отбросил дерево лапой и снова потянулся к нему, однако этой секунды хватило, чтобы Аэрин выхватил короткий клинок. Когда зверь рванулся вперёд, он сместился настолько, насколько позволяли скользкие камни, пропустил пасть в стороне от лица и всадил лезвие снизу, под основание шеи. Первое мгновение показалось, что удар не достиг ничего важного, затем клинок вошёл глубже, волк резко дёрнулся, а жар стал почти нестерпимым.

Аэрин выпустил рукоять и откатился в сторону. Зверь сделал несколько неровных шагов, будто всё ещё собирался продолжить атаку, потом ноги под ним подогнулись, и он тяжело рухнул на камни. Свечение под тёмной шерстью ещё несколько секунд пульсировало, прежде чем начало медленно угасать.

Запах палёной кожи заставил Аэрина вспомнить о собственной руке. Левый наруч тлел по краю, кожа под ним уже горела болью. Он сорвал защиту, опустил предплечье в холодную воду и лишь тогда позволил себе нормально вдохнуть. Боль пришла сразу, острая и пульсирующая, протянувшись от запястья почти до локтя.

— Аэрин!

Он поднял голову на голос Кейры. Женщина находилась примерно в пятнадцати метрах, держала меч двумя руками и пыталась не дать двум волкам приблизиться одновременно. На её плече темнела длинная полоса крови. Волчица тем временем снова вернулась к клетке и всё ещё не могла открыть дверцу.

Аэрин заставил себя встать. Сломанный лук остался возле мёртвого зверя, левая рука слушалась плохо, но впервые за весь бой он понял не только, что делают волки, но и как прекратить нападение.

— Кейра! Не держи их возле клетки!

Она отступила от очередного броска и посмотрела на него так, словно решила, что ожог оказался серьёзнее, чем кажется.

— Великолепный совет!

— Отойди и дай им проход к лесу!

— Чтобы они зашли с другой стороны?

— Они не пытаются прорваться к нам. Они всё время пытаются добраться до детёнышей.

— Один из них минуту назад лежал на тебе!

— Потому что я оказался между ним и клеткой!

Кейра перевела взгляд на зверей, затем на волчицу у железных прутьев. Осознание пришло быстро. Она отступила ещё на несколько шагов и подняла голос так, чтобы услышали остальные:

— Всем назад! Освободить путь от клетки к лесу. Не стрелять, если звери сами на вас не идут!

Двое охранников замерли, явно не сразу поняв приказ, однако Кейре хватило одного взгляда, чтобы заставить их двигаться. Люди начали расходиться от центра русла, оставляя широкое свободное пространство. Получилось далеко не одновременно и не настолько спокойно, как хотелось бы Аэрину, но волки заметили перемену почти сразу. Один перестал теснить Кейру, второй остановился возле воды и повернул голову к клетке. Напряжение не исчезло, однако бой впервые за последние минуты перестал сам себя разгонять.

Волчица снова ухватилась зубами за дверцу.

Аэрин направился к ней.

— Даже не спрашиваю, — сказала Кейра, увидев, куда он идёт. — Хотя нет. Спрошу. Что ты собираешься делать?

— Открыть клетку.

Она посмотрела на его обожжённое предплечье.

— Этой рукой?

— У меня есть вторая.

— Очень предусмотрительно.

Подойдя ближе, Аэрин впервые смог нормально рассмотреть волчицу. Она была ещё крупнее, чем казалась издали. Через морду тянулся старый белёсый шрам, одно ухо было надорвано, из плеча и задней лапы торчали арбалетные болты. Из приоткрытой пасти шёл дым, но зверь не нападал. Всё её внимание было приковано к клетке.

Аэрин медленно опустился возле замка.

— Очень плохой момент выяснять, кто из нас разумнее, — пробормотал он, осматривая искривившийся металл.

Кейра, оставшаяся в нескольких метрах, всё-таки услышала.

— Ты сейчас разговариваешь с волком?

— Нет.

— Хорошо. Я уже начала беспокоиться.

Замок успел деформироваться от жара, и нож почти не входил между дверцей и рамой. Аэрин попытался увеличить щель, но металл обжёг даже через мокрую перчатку. Волчица тут же сделала шаг ближе, и люди позади инстинктивно подняли оружие.

— Не стрелять, — предупредил Аэрин, не оборачиваясь.

Один из волчат прижался мордой к прутьям. Волчица издала низкий гортанный звук, совсем не похожий на прежнее рычание, и детёныш тут же ответил.

Аэрин ещё раз попробовал сдвинуть дверцу и понял, что одним ножом замок не открыть.

— Нужен рычаг.

Кейра бросила ему копьё, но сама осталась на прежнем месте.

— Если мы переживём эту ночь, я буду очень долго напоминать тебе, что изначально собиралась делать всё это утром.

— Будет справедливо.

Он вставил наконечник между дверцей и рамой и надавил. Левое предплечье отозвалось такой болью, что на мгновение перед глазами потемнело, зато металл сдвинулся. Волчица подошла ещё ближе.

— Аэрин, — тихо предупредила Кейра.

— Вижу.

— Просто проверяю. Ты сегодня удивительно часто оказываешься возле чужих зубов.

Он коротко взглянул на неё.

— Семейное.

Второй нажим оказался удачнее. Замок с сухим треском лопнул, дверца отлетела наружу, и первый волчонок почти сразу выбрался из клетки. Маленьким его уже нельзя было назвать: размером примерно с крупную собаку, с тяжёлыми лапами и слишком большой для подросткового тела головой. Он сделал несколько неуверенных шагов, и волчица немедленно подошла к нему. Она коснулась детёныша носом, обнюхала шею, и свечение под её шерстью стало заметно слабее.

Второй волчонок остался лежать внутри.

Волчица заметила это почти сразу. Она просунула голову в открытую клетку, несколько раз толкнула детёныша мордой и издала короткий низкий звук, однако тот не поднялся. Аэрин смотрел на него достаточно долго, чтобы заметить едва заметное движение груди.

— Он жив, — сказал он.

Кейра тоже присмотрелась.

— Но ненадолго, если ничего не сделать.

Аэрин осторожно приблизился на полшага, и волчица мгновенно повернула к нему голову. Рычание прокатилось по руслу, заставив нескольких людей позади крепче сжать оружие.

— Не надо, — тихо сказала Кейра.

— Я не собираюсь его трогать. Ему нужна вода и медленное охлаждение.

— И ты намерен объяснить это матери?

— С объяснениями сегодня вообще плохо.

Он снял флягу, но стоило сделать движение в сторону клетки, как волчица обнажила зубы. Тогда Аэрин остановился, поставил сосуд на камень, достал металлическую чашу, налил немного воды и осторожно оставил её возле дверцы, после чего сразу отступил.

— Дальше сама.

Некоторое время волчица не двигалась. Затем осторожно подошла к чаше, понюхала воду и коснулась её языком. Над поверхностью поднялась тонкая струйка пара. Убедившись, что опасности нет, она вернулась к волчонку и начала вылизывать ему морду, время от времени подталкивая носом.

Вокруг стало непривычно тихо. Даже Кассар, сидевший за перевёрнутой телегой, наконец перестал объяснять окружающим, что именно им следовало делать.

Через некоторое время детёныш пошевелил лапой.

— Давай же, — очень тихо произнёс Роан откуда-то позади.

Аэрин посмотрел на него, и парень слегка смутился.

— Я понимаю, что они минуту назад пытались нас сжечь. Но всё равно.

— Понимаю.

Волчонок наконец поднял голову. Волчица снова подтолкнула его, и после нескольких неудачных попыток он сумел выбраться наружу. Сначала лёг рядом с клеткой, затем встал, тяжело опираясь на передние лапы. Среди людей прошёл тихий общий выдох, который никто даже не попытался скрыть.

Остальные волки начали приближаться. Теперь им не мешали. Один из взрослых зверей остановился возле погибшего сородича и долго обнюхивал тело. Аэрин тоже посмотрел туда. Ему не хотелось превращать смерть животного в красивый символ или искать в поведении стаи человеческое горе. Волк погиб в бою, который начался из-за людей, решивших, что чужих детёнышей можно превратить в дорогой груз. Этого объяснения было достаточно.

Через несколько минут стая двинулась к лесу. Два взрослых зверя держались рядом с ослабевшим волчонком, ещё один шёл впереди, а волчица задержалась последней. На границе деревьев она ненадолго остановилась и посмотрела назад.

Аэрин не стал считать этот взгляд благодарностью. Перед ним не было ни духа леса, ни посланника богов, ни древнего разумного существа, способного оценить человеческое милосердие. Это был крупный и чрезвычайно опасный магический зверь, который защищал своих детёнышей и без всяких сомнений убил бы человека, снова вставшего между ним и стаей.

Так было даже проще.

Волчица скрылась среди сосен, и лишь тогда Кейра окончательно опустила меч.

— Теперь всё? — спросила она, тяжело переводя дыхание.

Аэрин уже смотрел в другую сторону. Возле перевёрнутой телеги огонь выбрался за пределы обгоревших досок и успел перебраться на сухую траву у края русла. Несколько языков пламени тянулись к кустарнику, а ветер, словно решив внести собственный вклад в эту ночь, нёс искры прямо к соснам.

— Нет, — ответил он.

Кейра проследила за его взглядом и на мгновение закрыла глаза.

— Я начинаю тебя ненавидеть.

— Знаю.

Следующие два часа они тушили пожар.

На рассвете Сосновые пределы пахли мокрой золой.

Люди сидели прямо на камнях. Никто не хотел разводить костёр для завтрака — огня им за ночь хватило на несколько недель вперёд. Лошади постепенно успокоились, обгоревшую телегу Кассара разобрали и оттащили глубже в русло, чтобы убедиться, что внутри ничего не тлеет.

Аэрину перевязали руку. Кейра получила длинный порез на плече и относилась к нему как к личному оскорблению. Один охранник обжёг щёку, второй вывихнул запястье. Серьёзнее не пострадал никто.

С учётом обстоятельств это было почти удачей.

Кассар сидел возле колеса под охраной Роана и выглядел так, словно впервые за последние двадцать лет допустил существование ситуации, в которой деньги могут оказаться недостаточно убедительным аргументом.

Родек подошёл к Аэрину и протянул кружку.

— Чай.

Аэрин взял её здоровой рукой.

— Спасибо.

— Без сахара.

— Переживу.

Родек сел рядом.

— После вчерашней ночи я уже не уверен, что ты умеешь жить без дополнительной сложности.

Аэрин сделал глоток.

— Обычно стараюсь.

Некоторое время они молча смотрели на лес.

— Волки вернутся? — спросил Родек.

— Вряд ли.

Караванщик повернул голову.

— «Вряд ли»?

— Ты хотел честный ответ.

— Иногда можешь и соврать.

— Учту.

Родек кивнул в сторону Кассара.

— До поста два дня. Там сдадим его дорожной страже. Клетку, клеймо и бумаги тоже.

— Хорошо.

— Он говорит, что его разорят.

Аэрин посмотрел на остатки телеги.

— Возможно.

— Ты очень переживаешь?

— Пока нет.

Родек усмехнулся.

К ним подошла Кейра, осторожно поправляя повязку на плече.

— Нашла кое-что.

Она протянула небольшую металлическую пластину. На ней было выбито клеймо из трёх крюков и номер разрешения.

— Из вещей Кассара, — пояснила она. — Вместе с бумагами Лоэров. Лицензия разрешает отлов двух взрослых огненных лисиц для алхимических нужд.

Родек медленно прикрыл глаза.

— Лисиц.

— Очень крупных, — заметила Кейра.

Аэрин перевернул пластину. На обороте стояла дата двухмесячной давности и печать города, находившегося почти в четырёхстах километрах отсюда.

— Поддельная? — спросил Родек.

— Скорее настоящее разрешение, использованное не для того зверя и не в том месте. Дорожный судья разберётся.

Кейра осторожно присела рядом, придерживая перевязанное плечо. Несколько секунд она молча смотрела на пластину в руках Аэрина, потом перевела взгляд на обгоревшие остатки телеги Кассара и покачала головой.

— Столько дыма, крови и беготни из-за того, что кому-то понадобилось продать пару волчат подороже.

Аэрин убрал пластину вместе с остальными бумагами.

— Часто этого достаточно.

— Почему-то от этого даже обиднее, — призналась Кейра. — Если уж меня среди ночи пытается сжечь целая стая, хочется хотя бы причины посложнее человеческой глупости.

— Глупость обычно не нуждается в сложной причине.

Кейра посмотрела на него, несколько мгновений сохраняла серьёзное выражение, а потом всё-таки рассмеялась. Смех тут же отозвался болью в повреждённом плече, и она поморщилась, осторожно поправляя повязку.

Чуть дальше, возле воды, Роан остановился рядом с погибшим волком и теперь разглядывал его с таким сосредоточенным интересом, что Аэрин почти сразу понял, о чём тот думает. За ночь зверь успел почти полностью остыть. При дневном свете он выглядел уже не существом из огня и дыма, а огромным чёрным хищником с тяжёлыми лапами, широкой грудью и едва заметными багровыми линиями под шерстью. Только почерневшие камни вокруг тела напоминали, насколько обманчивым было это спокойствие.

Аэрин подошёл и остановился рядом.

— Что с ним будем делать? — спросил Роан. — Оставим здесь?

— Пока да.

Парень ещё немного посмотрел на зверя.

— Шкура у них дорогая, насколько я знаю. И клыки. Наверное, ещё что-нибудь алхимикам нужно.

Аэрин повернул к нему голову, и Роан сразу поднял ладони.

— Я не предлагаю сейчас же разобрать его на части. Просто спрашиваю.

— Хорошо.

— Я уже приготовился к речи о том, что нельзя становиться вторым Кассаром.

— Не дождёшься.

Роан моргнул.

— Правда?

Аэрин присел возле туши, не касаясь её, и поднёс ладонь к шерсти. Даже с расстояния ещё ощущалось слабое тепло.

— Его тело внутри всё ещё горячее, чем кажется. Начнёшь сейчас снимать шкуру — в лучшем случае обожжёшь руки. В худшем вскроешь железу, которая ещё не успела остыть, и узнаешь, почему охотники обычно ждут несколько часов.

Роан поспешно отступил на полшага.

— Вот эту часть можно было сказать раньше.

— Ты пока ничего не трогал.

— Потому что я очень предусмотрительный.

— Конечно.

Парень подозрительно посмотрел на него, но спорить не стал.

— А когда остынет?

Аэрин выпрямился. Сам вопрос его не возмутил. Волк погиб, защищая детёнышей, однако оставлять тушу гнить возле дороги только ради красивого жеста не имело смысла. Шкура, клыки и некоторые ткани действительно представляли ценность, а дорожные законы как раз определяли, кому принадлежит добыча, если опасное животное погибло возле королевского тракта.

— Мы ничего брать не будем, — решил он. — До Каменного поста недалеко. Сообщим страже, где лежит туша, а они уже отметят место и решат, что с ней делать.

Роан кивнул, но на лице у него появилась лёгкая усмешка.

— Всё-таки я немного разочарован.

— Чем?

— Я ожидал чего-нибудь более возвышенного. Что-нибудь про уважение к достойному противнику, круг жизни и возвращение зверя лесу.

Аэрин посмотрел сначала на него, потом на мёртвого волка.

— Он лежит в тридцати метрах от королевского тракта. Если оставить его лесу, первым его найдёт сборщик налогов.

Роан рассмеялся.

— Вот. Так даже лучше.

Из-за дальних сосен донёсся протяжный вой, и улыбка исчезла с его лица почти сразу. Через несколько секунд ему ответил второй — тише и значительно дальше. Аэрин прислушался, определяя направление. Стая уходила на запад, туда, где среди холмов начинались тёплые каменные ложбины и подземное тепло подходило ближе к поверхности.

— Это они? — тихо спросил Роан.

— Похоже на то.

Парень ещё некоторое время вслушивался в лес.

— Думаешь, тот слабый волчонок выживет?

На этот вопрос Аэрин не стал отвечать сразу. Он видел, насколько плохо выглядел детёныш, когда его вынесли из клетки, и не собирался обещать то, чего знать не мог.

— Не знаю. Он смог уйти вместе со стаей, а это уже лучше, чем было несколько часов назад.

Роан нахмурился, явно ожидая более определённого ответа.

— То есть шанс есть?

— Есть.

Этого ему, кажется, оказалось достаточно.

До Каменного поста они добрались вечером следующего дня.

Небольшая дорожная крепость стояла на невысоком холме, окружённая стеной, которую когда-то строили с расчётом на серьёзную войну, а несколько последних поколений использовали главным образом для защиты от плохой погоды, пьяных торговцев и особенно настойчивых коз. Над воротами висел знак ближайшей хартийной земли. Двое дежурных встретили караван с выражением людей, которые не ожидали от сегодняшней смены ничего сложнее проверки накладных.

Через двадцать минут их надежды были окончательно уничтожены.

Сначала внутрь отвели Рема Кассара. Потом вызвали Родека. Затем Кейру. После неё — Аэрина. Потом снова Кассара, который теперь говорил значительно громче.

Когда Аэрин наконец вышел из караульного дома, солнце уже садилось. Во дворе пахло лошадиным навозом, супом из кухни и свежими чернилами: местный писарь оставил окно открытым и, судя по количеству уточняющих вопросов, собирался превратить нападение огненных волков в документ весьма внушительного объёма.

Кейра сидела на каменной скамье возле стены, вытянув ноги и осторожно придерживая перевязанное плечо. Судя по выражению её лица, разговор с местным писарем оказался едва ли приятнее встречи с огненными волками. Когда Аэрин вышел из караульного дома, она проводила взглядом закрывшуюся за ним дверь и спросила:

— Закончил?

— Пока.

Кейра медленно повернула к нему голову.

— Мне совершенно не нравится это слово.

Аэрин сел рядом, здоровой рукой поправляя край плаща.

— Писарь хочет утром уточнить точное расстояние от клетки до леса.

Она закрыла глаза и откинулась затылком к холодному камню.

— Я сказала ему пятнадцать метров.

— Было около двенадцати.

Кейра открыла один глаз и посмотрела на него с таким выражением, что Аэрин решил не уточнять дальше.

— Даже не начинай.

— Не собирался.

Некоторое время они сидели молча. После двух суток постоянного шума тишина дорожного поста казалась почти непривычной. Во дворе переговаривались стражники, где-то за конюшнями фыркнула лошадь, из открытого окна кухни тянуло мясным бульоном и жареным луком. Кассара они наконец передали местной страже вместе с бумагами, клеточной пластиной и достаточно подробным рассказом о последних двух днях, чтобы местный писарь, вероятно, ещё долго вспоминал их без всякой благодарности.

— Куда теперь? — спросила Кейра спустя несколько минут.

— Доеду с караваном до следующей развилки, а потом сверну на север. Если дорога не преподнесёт ничего нового, через несколько дней буду в Ривердфолле.

— Домой, значит.

Аэрин кивнул.

Кейра перевела взгляд на его перевязанное предплечье, потом на прожжённый плащ и усмехнулась.

— Семья вообще знает, чем ты занимаешься, когда уходишь из дома?

— Примерно.

— И после этого тебя всё ещё пускают обратно?

Аэрин тоже посмотрел на повязку.

— Обычно сначала спрашивают, что случилось.

— Звучит разумно.

— Потом мать кормит.

Кейра одобрительно кивнула.

— Ещё разумнее.

— А потом спрашивает второй раз.

Она тихо рассмеялась.

— Вот теперь я ей окончательно доверяю.

Аэрин невольно представил дом Ривенов. Наверняка всё будет именно так. Мара сначала усадит его за стол и только потом потребует подробностей, потому что, по её глубокому убеждению, голодный человек всё равно не способен рассказать правду достаточно последовательно. Элвар заметит перевязку ещё в дверях, но не станет расспрашивать при всех: сначала посмотрит на руку, затем на сына и лишь потом решит, насколько серьёзным должен быть разговор.

С Элиной всё окажется проще и одновременно значительно хуже. Она потребует рассказать историю целиком, перебьёт не меньше десяти раз, а к концу вечера пять огненных волков совершенно естественным образом превратятся в девять. Волчица при этом вырастет примерно до размеров лошади, потому что в пересказах Элины любое опасное существо неизбежно становилось крупнее, быстрее и значительно драматичнее оригинала.

С Каэлом всё будет значительно веселее. Он наверняка заметит перевязанную руку ещё до того, как Аэрин успеет сесть за стол, потребует рассказать, откуда она взялась, а примерно на том месте, где в истории появится разъярённый огненный волк, начнёт улыбаться слишком довольно для человека, который вообще-то должен беспокоиться о старшем брате.

Аэрин уже представлял этот разговор достаточно хорошо.

— Подожди, — скажет Каэл. — То есть волк был больше тебя?

— Да.

— Горел?

— Не совсем.

— Сбил тебя с ног?

Аэрин, скорее всего, попробует пропустить эту часть, но Каэл обязательно заметит.

— Сбил, значит. Хорошо. Продолжай.

— Почему тебе так весело?

— Я просто хочу убедиться, что правильно понял историю. Ты встретил огромного огненного волка и решил лечь под него.

— Я ничего такого не решал.

— Конечно. Это произошло совершенно случайно. Как и все мои истории, которые ты потом пересказываешь матери.

На этом месте Каэл наверняка будет уже откровенно смеяться, а потом всё-таки потянется к повязке и спросит значительно тише, насколько сильно обожжена рука. Именно в таком порядке: сначала убедиться, что брат жив, потом несколько минут издеваться, затем снова убедиться, что он действительно в порядке.

Аэрин почти улыбнулся. Пожалуй, размер волка Каэлу лучше было всё-таки не уточнять. Он и без помощи Аэрина сделает его к вечеру размером с небольшого медведя.

Кейра сразу это заметила.

— Что?

— Представил разговор дома.

— Соболезную заранее.

— Пока рано.

Она ненадолго задумалась, потом спросила:

— Правду расскажешь?

— Да.

— Всю?

Теперь уже задумался Аэрин.

— Почти.

— Что именно собираешься скрыть?

— Размер волка.

Кейра повернулась к нему.

— Зачем?

— Каэл всё равно увеличит.

На этот раз она рассмеялась уже громче, хотя тут же поморщилась и осторожно придержала повреждённое плечо.

— Тот самый младший брат?

— Да.

— Он ведь тоже следопыт?

Аэрин вздохнул.

— К сожалению.

— Тогда вопросов больше нет.

На стене над воротами ударил вечерний колокол, и во дворе началось обычное движение перед закрытием поста. Стражники проверяли засовы, один из конюхов уводил последних лошадей под навес, а из кухни высунулся широкоплечий мужчина в переднике и громко сообщил, что суп остывает и государственная служба не станет уважительнее оттого, что все будут заниматься ею голодными.

Аэрин поднялся со скамьи и впервые за долгое время внимательно оценил собственное состояние. Предплечье болело сильнее, чем утром, хотя повязка пока оставалась чистой. Плащ насквозь пропах дымом и в нескольких местах был прожжён, сломанный лук придётся заменить, наруч — тоже. За последние двое суток он поспал меньше четырёх часов и с некоторым трудом вспомнил, когда ел что-нибудь кроме хлеба, каши и того чая, который Родек утром почему-то счёл завтраком.

В общем, работа закончилась достаточно обычно.

Прежде чем идти к кухне, Аэрин задержался возле стены. Отсюда хорошо просматривались Сосновые пределы: тёмная полоса леса уходила почти до горизонта, а далеко за ней под-

нимались серые очертания Драконьего хребта. Где-то среди тех лесов стая уже должна была возвращаться к тёплым каменным ложбинам. Выжил ли слабый волчонок, Аэрин не знал. Он хотя бы сумел уйти вместе с остальными, и пока этого было достаточно.

Скорее всего, взрослые волки некоторое время будут избегать дороги. Возможно, очень долго. Но Аэрин слишком хорошо знал приграничье, чтобы верить в окончательно безопасные тракты. Там, где проходили люди, рано или поздно появлялся кто-нибудь, решивший заработать на том, к чему лучше было не прикасаться, а следом неизбежно требовался другой человек, которому приходилось разбираться с последствиями.

Наверное, поэтому работы у него никогда не становилось меньше.

Кейра уже дошла до кухни, но возле двери вдруг остановилась и оглянулась.

— Аэрин.

Он повернул голову.

Она молча указала на нижний край его плаща. Там, где ночью прошёл жар от волчьего пламени, ткань была выжжена почти насквозь, и теперь в ней зияла дыра размером с ладонь.

— Думаешь, дома заметят?

Аэрин опустил взгляд на повреждение и несколько секунд рассматривал его с совершенно серьёзным видом, будто вопрос действительно требовал тщательной оценки.

— Нет.

Кейра помолчала, а затем довольно улыбнулась.

— Вот теперь я сразу поняла, что это была шутка.

— Учишься.

Он придержал для неё дверь и вслед за Кейрой пошёл ужинать.

Лёд под кожей гор

Чернила замёрзли на кончике пера в середине лета.

Эдмар Сорель заметил это только после того, как в третий раз провёл пером по бумаге и вместо тонкой синей линии получил едва различимую царапину. Он сидел на плоском каменном выступе у старой дороги через Серое Седло, придерживая планшет коленом, и последние четверть часа пытался точно нанести на карту изгиб тропы между двумя осыпями. День стоял ясный и даже для гор непривычно тёплый: жёлтые цветы росли в трещинах нагретых плит, над светлым камнем дрожал воздух, а оставленные чуть ниже лошади лениво отмахивались хвостами от мух. Снег виднелся только далеко наверху, где белыми полосами забивался в расселины Драконьего хребта. Поэтому, когда Эдмар поднёс перо к глазам и обнаружил на металлическом наконечнике тонкую корку инея, первым его чувством было не беспокойство, а почти профессиональное оскорбление. Он проверил чернильницу, провёл пальцем по бумаге, убедился, что та совершенно сухая, и только после этого позвал проводницу.

— Талви.

Гномка шла примерно в двадцати метрах впереди и сначала лишь подняла руку, давая понять, что услышала. За два дня совместного пути Эдмар успел заметить: Талви Дорнек относилась к большинству обращённых к ней слов как к сведениям, которые можно принять к рассмотрению, не прекращая заниматься чем-нибудь более полезным. Она была ниже него почти на голову, крепкая и широкоплечая, с двумя толстыми тёмно-рыжими косами, убранными под серую шерстяную шапку. За её спиной висел короткий горный лук, на поясе — молоток, нож, моток тонкой верёвки и такое количество небольших сумок, что Эдмар уже начал подозревать: половина нужна исключительно затем, чтобы городские люди не задавали вопросов о содержимом второй половины. По осыпям Талви двигалась почти не глядя под ноги. Камни, которые под сапогами Эдмара норовили либо провернуться, либо уехать вниз по склону, под ней почему-то сохраняли благоразумие.

— Если ты снова хочешь сказать, что на королевской карте дорога должна проходить левее, — отозвалась она, не оборачиваясь, — предлагаю сначала определить, кто именно будет объяснять это горе.

— Чернила замёрзли.

Талви остановилась сразу. Она вернулась к нему, взяла протянутое перо и провела большим пальцем по металлу. Иней начал таять почти мгновенно, однако выражение её лица успело измениться раньше.

— Здесь?

— Нет, я сбегал на ледник, чтобы потом тебя впечатлить.

Она подняла на него серые глаза и, судя по короткой складке возле губ, оценила ответ.

— Значит, голова пока работает. Хороший признак.

Талви присела возле края камня, на котором сидел Эдмар, и приложила ладонь к поверхности. Плита была тёплой от солнца, но вдоль её левого края проходила узкая неровная трещина. Гномка сняла перчатку и приблизила пальцы к щели, после чего почти сразу нахмурилась. Эдмар опустился рядом и тоже протянул руку. Из-под камня тянуло не привычной прохладой глубокой расщелины, а настоящим зимним холодом — сухим, резким, пахнущим железом и старой водой. Уже через несколько секунд пальцы начали ломить.

— И что это? — спросил он, отдёргивая руку.

Талви снова надела перчатку и поднялась.

— Пока не знаю.

— Мне тебя рекомендовали как лучшую проводницу между Тремя Сёдлами и Северным Зубом.

— Тебе соврали. Лучшая взяла бы вдвое дороже.

— Это, кстати, тоже говорили.

— Значит, рекомендовали правильные люди.

Она пошла дальше, но теперь двигалась медленнее и внимательнее осматривала камни по обе стороны тропы. Эдмар подождал, пока перо окончательно оттает, поставил на карте маленький крест и приписал рядом: «холодный выход, причина неизвестна». Ему нравилось, когда странность можно обозначить знаком, измерить и затем объяснить. В Лемарисе это качество считали одной из причин, почему он хорошо подходит для королевской картографической службы. В горах Талви уже успела назвать его привычкой успокаиваться при помощи линий.

Задание, ради которого Эдмар оказался на Сером Седле, в столице выглядело почти скучным. Старый путь через Драконий хребет связывал два гномьих хартийных города и в летние месяцы сокращал караванам почти четыре дня дороги. Однако королевские карты северного участка не обновлялись больше тридцати лет, а местные пользовались собственными горными схемами и не видели особого смысла переводить их на язык чиновников из Лемариса. Теперь управление дорог собиралось решить, можно ли укрепить перевал, поставить пару постоянных постов и официально включить Серое Седло в торговую сеть Эрдевана. Эдмар должен был описать состояние старого тракта, отметить источники, осыпи, мосты, возможные места для укреплений и всё то, что городской служащий позднее назовёт «местными препятствиями», не имея в виду необходимость самому подниматься к ним с планшетом.

Первые два дня путь казался вполне пригодным. Дорога была трудной, но даже старые подпорные стены в большинстве мест ещё держались; два источника, показанные Талви, не пересыхали даже в конце лета; опасные осыпи можно было обойти. Единственное, что беспокоило местных всерьёз, относилось не к дорожному строительству.

За последний месяц в районе Серого Седла пропали четыре человека. Молодой каменщик не вернулся после осмотра старого моста над боковым ущельем. Неделей позже исчез сборщик лечебного мха. Затем двое дорожных смотрителей отправились к заброшенным шахтам и тоже пропали. Возле нескольких мест обнаружили огромные следы, по краям которых даже днём сохранялся иней.

После этого объяснение появилось почти само собой: ледяной медведь.

Эдмар никогда прежде такого зверя не видел. Талви встречала дважды и всякий раз уточняла, что второго раза вполне могла бы не случиться без ущерба для её образования. По её словам, взрослый ледяной медведь значительно превосходил бурого размером, обладал густой бело-серой шерстью и природной магией холода. Когда зверь был разгорячён или напуган, влажная земля возле его лап покрывалась инеем, а дыхание могло превращать мелкий дождь в ледяную крупу. Обычно эти животные жили значительно выше, возле ледников и постоянных снегов, а летом почти никогда не спускались на высоту Серого Седла. Однако для большинства жителей четыре исчезновения и огромные морозные следы выглядели достаточным доказательством.

Талви считала иначе.

— Медведем не объяснить холод под дорогой, — сказала она через некоторое время, когда тропа начала огибать большой каменный выступ.

Эдмар догнал её и убрал перо в футляр.

— До сегодняшнего утра никто не знал про холод под дорогой.

— Именно поэтому до сегодняшнего утра я не говорила, что он что-нибудь объясняет.

— У тебя невероятно удобный способ никогда не ошибаться.

— Удобнее, чем сначала написать вывод, а потом искать под него гору.

Эдмар уже собирался защитить профессиональную честь королевской картографии, но вспомнил нескольких коллег и решил не брать на себя слишком много ответственности.

За следующим поворотом северная часть перевала раскрылась почти целиком. Далеко внизу лежала узкая зелёная долина, по которой между тёмными елями блестела река. Выше лес быстро редел: сначала исчезали ели, затем сосны, после них оставались только кустарник, мхи и огромные серые склоны, поднимавшиеся к зубчатым вершинам. На противоположной стороне ущелья в скале темнели несколько отверстий.

— Дорнские шахты? — спросил Эдмар.

Талви проследила за его взглядом и тут же добавила:

— К моей семье отношения не имеют. Дорн — старое слово для нижней горной породы. Таких названий здесь столько, что если начнёшь искать родственников по каждому, придётся задержаться до зимы.

— Я ничего не спросил.

— Собирался.

— Для человека без дара прорицания ты слишком уверенно отвечаешь заранее.

— Для королевского картографа ты слишком предсказуемо задаёшь вопросы.

Эдмар уже снимал с плеча планшет, чтобы нанести входы на карту, когда Талви подняла ладонь. Её движение было спокойным, но тон изменился настолько, что он сразу остановился.

— Не двигайся. Я пытаюсь понять, что именно вижу.

Она медленно подошла к краю площадки и опустилась на корточки возле небольшого участка влажного песка, сохранившегося после недавнего дождя. Эдмар приблизился лишь после её короткого кивка. Между валунами отпечатались пять огромных следов, каждый почти вдвое шире человеческой ладони, с глубокими отметинами длинных когтей. По краям песок был прихвачен тонкой белой коркой.

— Не хочу вмешиваться в работу специалиста, — сказал Эдмар, присев рядом, — но рискну предположить, что это не большая белка.

— Могу сказать, что белка, если тебе станет спокойнее.

— Предпочитаю бояться точных вещей.

Талви провела пальцами вдоль края отпечатка и некоторое время изучала осыпавшийся песок. Затем прошла чуть ниже по склону, туда, где цепочка следов пересекала старую дорогу.

— Взрослый ледяной медведь. Большой даже для своих.

— Значит, местные правы?

— Они правы в том, что по перевалу ходит ледяной медведь. Это пока всё.

Она указала чуть в сторону, и Эдмар увидел вторую цепочку следов, значительно менее впечатляющую: обычные человеческие сапоги. Кто-то поднялся снизу, пересёк площадку и направился к старым шахтам.

— Медведь шёл за человеком?

Талви снова присела, сравнила края двух отпечатков и покачала головой.

— Человек прошёл раньше, возможно часов на шесть или восемь. Зверь пересёк его путь позднее.

— Но мог идти по запаху.

— Мог.

Эдмар выдержал короткую паузу.

— И мог просто пройти поперёк.

— Именно.

— Когда-нибудь гора всё-таки позволит тебе сказать что-нибудь определённое?

Талви поднялась, отряхивая ладони.

— Как только сама решит определиться.

До верхнего дорожного поста оставалось слишком далеко, поэтому на ночь они остановились в старой хижине, построенной возле бывшей караванной стоянки примерно в километре от шахт. Эдмар довольно быстро выяснил, что сооружение проектировали гномы: первый раз

он ударился головой о поперечную балку возле входа, второй — возле печи, а после третьего начал подозревать, что хотя бы одна из балок расположена там исключительно из культурных соображений.

— Хорошая архитектура учитывает рост разных народов, — заявил он, растирая макушку.

Талви как раз проверяла ставни и даже не посмотрела в его сторону.

— Хорошая архитектура учитывает тех, кому принадлежит дом.

— Он стоит возле королевского тракта.

— Теперь я понимаю, почему тракт разваливается.

— Ты наслаждаешься этим больше, чем следовало бы.

— Я второй день наблюдаю, как ты исправляешь наши горы на бумаге. Мне нужна компенсация.

После заката стало ощутимо холоднее, хотя до настоящей ночи оставалось ещё время. Они отвели лошадей в низкий каменный загон, заперли внешнюю калитку, растопили старую железную печь и устроили ужин из каши с сушёным мясом. В этот момент Талви окончательно выяснила состав запасов картографа и долго не могла смириться с тем, что человек, отправленный на несколько дней в горы, взял с собой три вида сыра, отличный чай, две запасные чернильницы, набор измерительных нитей и ни одной приличной сковороды.

— Сыр не требует сковороды, — напомнил Эдмар.

— Именно это спасло тебя от голода.

После ужина он разложил карты на широком столе. Южная часть Серого Седла уже была прорисована подробно: высоты, старые стены, опасные участки, источники и два подходящих места для постов. Севернее сегодняшней стоянки оставалось заметно больше пустого пространства. Талви достала из собственного футляра старую шахтную схему, настолько потёртую, что края приходилось придерживать кружками.

— Дорнские разработки закрыли около сорока лет назад, — объяснила она, поворачивая лист к Эдмару. — Сначала руда стала хуже, потом воды прибавилось, а в нижнем штреке произошёл обвал. Погибли двое. Мой дед хорошо помнит тот день — он тогда работал на другом участке шахты.

Эдмар провёл пальцем по выцветшим линиям.

— Здесь пять входов.

— Сейчас открыты три. Один завалило ещё до закрытия, а восточный замуровали после аварии.

— Почему именно замуровали?

Талви задержала палец на старой отметке.

— После обвала мастера осмотрели нижний штрек и решили, что его проще полностью отсечь от остальных выработок, чем укреплять. В старых записях причина указана расплывчато: нестабильная порода, вода и «непригодные условия для дальнейших работ».

— Очень содержательно.

— Шахтёры умеют писать отчёты не хуже королевских картографов.

Эдмар посмотрел на неё.

— Это сейчас было оскорбление?

— Пока только профессиональное наблюдение.

Он собирался спросить о нижнем штреке, когда снаружи резко заржала одна из лошадей. Вторая почти сразу ударила копытом по камню, и разговор оборвался.

Талви поднялась первой. Она не дёрнулась к оружию и не попыталась сразу открыть дверь; просто сняла со стены лук и проверила тетиву. Эдмар убрал карты подальше от края стола, потом взял дорожный арбалет.

— Фонарём наружу не светим, — тихо сказала Талви. — И дверь пока не открываем.

Через узкое окно загон просматривался почти целиком. Луна стояла достаточно высоко, чтобы различить каменную стену, беспокойно переступающих лошадей и склон за хижиной. Сначала Эдмар не видел ничего, а потом возле дальнего угла возникло медленное светлое движение.

Ледяной медведь оказался гораздо крупнее, чем позволяли представить следы. Даже на четырёх лапах спина зверя поднималась почти до груди взрослого человека, а густая светлая шерсть в лунном свете казалась серебристо-голубой. Медведь двигался вдоль стены спокойно, будто беспокойство лошадей его совершенно не касалось. Эдмар ожидал, что тот хотя бы повернётся к загону, но зверь лишь один раз принюхался, после чего прошёл дальше и остановился возле скалы непосредственно за хижиной.

— Почему он не смотрит на лошадей? — прошептал Эдмар.

— Пока не знаю.

Зверь поднялся на задние лапы и приблизил морду к камню. Эдмар увидел, как на серой поверхности выступает иней, и сначала решил, что это обычное проявление медвежьей магии. Затем заметил, что белая корка расходится от одной из трещин ещё до того, как зверь к ней прикасается. Медведь ударил лапой, несколько мелких камней посыпались вниз, щель расширилась, и из глубины вырвалось облако белого пара. Зверь снова опустился на четыре лапы, приблизил морду к холодному потоку и долго втягивал воздух.

Эдмар почувствовал, как отдельные наблюдения вдруг складываются в простую мысль.

— Он пришёл не к животным.

Талви чуть подалась к окну.

— Он пришёл к холоду.

Через несколько минут медведь ушёл вверх по склону. Ни разу за всё это время он не приблизился к лошадям и даже не посмотрел в сторону хижины.

Эдмар ещё некоторое время держал арбалет, хотя необходимость уже явно прошла.

— Значит, людей он тоже мог не искать.

Талви покосилась на него.

— Мог.

— Я уже начинаю ненавидеть это слово.

— Тогда завтра тебе будет особенно интересно.

Утром трещина за хижиной продолжала отдавать настоящим морозом. Эдмар дважды измерил температуру полевым термометром, потому что первый результат казался ошибкой: воздух внутри каменной щели был почти на двадцать градусов холоднее, чем снаружи. Талви наблюдала за измерениями, жуя кусок хлеба, и терпеливо ждала, пока он закончит записывать числа.

— Теперь гора официально холодная? — спросила она.

— Определённая её часть официально ведёт себя крайне невежливо.

— Именно такими словами и составляются великие королевские карты.

К шахтам они отправились пешком, оставив лошадей за надёжной каменной стеной. Талви настояла на двух тёплых плащах, одеялах, двойном запасе верёвки и дополнительном масляном фонаре. Эдмар сначала хотел напомнить про лето, но гномка только посмотрела на его чернильницу.

— Вчера у тебя замёрзло перо.

— Справедливое замечание.

— Повтори.

— Не злоупотребляй редким событием.

Чем ближе они подходили к старым выработкам, тем чаще встречались холодные трещины. Некоторые проходили под корнями сосен, другие скрывались между камнями подпор-

ных стен, одна пересекала старую дорогу почти от края до края. Эдмар отмечал их на карте и постепенно замечал закономерность: отдельные линии расходились в стороны, но большинство словно тянулось к тому участку склона, где находились заброшенные шахты. Этого уже хватало, чтобы проверить выработки хотя бы снаружи. Кроме того, именно сюда несколько дней назад отправились Вейса Кольн и Хорен Дальт — двое дорожных смотрителей, после исчезновения которых в поселении окончательно решили, что на Сером Седле охотится ледяной медведь.

У ближайшего входа Талви присела возле полосы мягкой серой пыли и почти сразу нашла следы. В штольню вошли двое взрослых людей. Отпечатки сохранились достаточно хорошо, чтобы понять направление, а вот обратной цепочки рядом не было. Талви прошла несколько метров вдоль входа, проверила камни по обе стороны и только затем выпрямилась.

— Похоже, вышли они не здесь.

Эдмар посмотрел в тёмный проход. Из него тянуло холодом, уже знакомым по трещинам возле дороги, только теперь значительно сильнее.

— Или вообще не вышли.

Талви не ответила сразу. До этого они могли ограничиться осмотром входов и вернуться за людьми, если обнаружат что-нибудь действительно опасное. Два человеческих следа, уходивших в шахту без видимого продолжения наружу, это решение меняли.

— Посмотрим первый участок, — наконец сказала она. — Пока держится основной ход и видно следы. Если начнутся свежие обвалы или потеряем обратную дорогу, возвращаемся и приводим шахтных мастеров.

— А медведь?

— Если он вошёл сюда после них, увидим его следы раньше, чем его самого. По крайней мере я очень на это рассчитываю.

Последняя часть прозвучала не настолько уверенно, чтобы особенно успокаивать, но Эдмар всё равно достал фонарь. Они проверили верёвки, оставили у входа заметную метку и только после этого вошли в штольню.

Уже через несколько метров Талви остановилась возле разбитого фонаря. Стекло рассыпалось по камню, металлическая рама почти не пострадала, а на ручке сохранилась выцарапанная буква.

— «В», — прочитал Эдмар.

Талви взяла фонарь и несколько секунд рассматривала метку.

— Вейса Кольн.

— Уверена?

— Она помечает так всё своё снаряжение. И да, я её знаю. В горах полезно знать людей, которые отвечают за мосты и дороги. Иначе однажды приходишь к переправе и выясняешь, что её закрыли неделю назад, просто единственный человек, способный предупредить, тебя не любит.

Она перевернула фонарь. Один край рамы был вмят, словно тот сильно ударился о камень, но крови вокруг не было. Человеческие следы продолжались дальше.

Они двинулись по следам. Сначала лёд лежал лишь тонким прозрачным налётом на старых рельсах и краях деревянных опор, однако с каждым десятком метров его становилось больше. Стены начали блестеть в свете фонарей, дыхание побелело, а температура упала настолько быстро, что Эдмар пожалел о каждой утренней шутке насчёт тёплого плаща. При этом ничего похожего на нападение медведя они по-прежнему не находили: ни крови, ни клочков одежды, ни глубоких царапин от когтей. Только следы двух людей, уходившие всё дальше в холодную шахту.

Через некоторое время Эдмар заметил то, что не имело отношения к следам. Огонь в фонаре Талви слегка наклонился, хотя они оба стояли неподвижно. Сначала пламя тянулось

к выходу, потом выпрямилось, а спустя полминуты отклонилось в противоположную сторону. Он оторвал тонкую полоску бумаги и поднял перед собой. Бумага повторила движение.

— Воздух меняет направление.

Талви подошла ближе и посмотрела сначала на бумажную полоску, потом на Эдмара.

— Только не говори, что шахта дышит.

— Именно это я собирался сказать.

— Конечно.

Он убрал полоску и нахмурился.

— Что значит «конечно»?

— У тебя впервые за всё утро появилось такое лицо, будто происходящее тебе нравится.

— Мне не нравится.

Талви ещё раз посмотрела на колеблющееся пламя фонаря.

— Тогда, похоже, тебе просто спокойнее, когда неприятность можно измерить.

Эдмар посмотрел на бумажную полоску в руке и решил, что спорить будет трудно.

— Возможно.

— Это уже второе разумное признание за поездку. Серое Седло действует на тебя благотворно.

За следующим поворотом они обнаружили свежий обвал. Камни перекрывали большую часть галереи, но возле левой стены оставался достаточно широкий проход. Талви долго изучала поверхность обломков, затем указала на светлые сколы.

— Недели две. Может, немного больше.

Эдмар развернул старую схему.

— За этой стеной должен быть нижний штрек.

— Тот, который замуровали после аварии.

— Если схема точная.

Талви повернула к нему голову настолько медленно, что он сразу понял ошибку.

— Это гномья шахтная схема.

— Я не сказал, что она неточная.

— Ты произнёс «если».

— Профессиональная привычка.

— Ещё раз усомнишься — профессионально нарисуешь дорогу обратно один.

Они протиснулись мимо обвала и примерно через пятьдесят метров нашли сумку. Чуть дальше на полу лежал сапог. Эдмар почувствовал, как всё внутри неприятно сжалось, однако рядом не было ни крови, ни тела. Талви подняла сапог, провела пальцем по подошве и коротко выдохнула.

— Вейса.

— Уверена?

— Она сама ставила эти подковы, а потом полгода рассказывала всему дорожному управлению, что никто больше не умеет правильно делать каблук.

Возле стены обнаружилась верёвка, уходившая в боковой проход. Узел был затянут настолько сильно, что Эдмар не смог бы развязать его без ножа.

— Тоже она?

— Определённо. Вейса считает, что если узел можно открыть руками, значит, он недостаточно надёжен.

Они пошли вдоль верёвки и вскоре вышли к провалу. Большая часть пола боковой галереи рухнула, оставив у стены узкий каменный карниз. Верёвка уходила вниз и исчезала во тьме.

Талви подошла к краю и несколько секунд всматривалась в глубину.

— Вейса! — позвала она.

Ответа не было. Гномка крикнула снова, громче, и через несколько мгновений снизу донёсся слабый стук. Три удара, короткая пауза, затем ещё два.

Талви резко повернулась к Эдмару.

— Жива.

Подготовка к спуску заняла больше времени, чем хотелось обоим. Они закрепили вторую верёвку, проверили старые опоры, распределили снаряжение. Провал оказался глубоким; примерно на середине серый камень сменился голубоватыми пластами льда, уходившими внутрь стены так далеко, что Эдмар впервые задумался, насколько большая часть горы вообще состоит не из камня.

Вейсу нашли возле старой металлической двери, на небольшой площадке под обрывом. Она сидела, завернувшись в дорожный плащ и кусок прогнившей мешковины. Левая нога была туго перевязана двумя расщеплёнными досками, лицо посерело от холода, губы потрескались. Когда Талви опустилась рядом, женщина открыла глаза и некоторое время просто смотрела на неё.

— Долго, — наконец сказала она.

— Я тоже рада тебя видеть.

— Ты всегда была медленная.

— Могу подняться обратно.

Вейса попыталась усмехнуться, но сил хватило лишь на короткое движение губ. Эдмар тем временем осмотрел ногу. Перелом выглядел тяжёлым, но шина была наложена правильно, а пальцы сохраняли чувствительность. Значительно опаснее казалось переохлаждение. Они дали женщине немного тёплой воды, завернули в принесённое одеяло и только после этого начали расспрашивать.

— Сколько ты здесь? — спросил Эдмар.

— Три дня. Может, четыре. После второго уже перестала считать.

Талви придержала кружку, пока Вейса пила.

— Хорен был с тобой?

Женщина закрыла глаза, и этого уже оказалось достаточно, чтобы понять ответ не будет хорошим.

— Был. Мы услышали стук за старой кладкой и решили проверить. Думали, что после обвала кто-то оказался заперт в нижнем штреке. Когда подошли ближе, стену прорвало.

— Водой? — спросил Эдмар.

Вейса покачала головой.

— Холодом. Не обычным ветром. Будто всю зиму одновременно вытолкнули из одной щели. Хорен шёл первым, меня сбросило вниз. Он остался наверху.

Талви на мгновение посмотрела на Эдмара, затем спросила:

— Медведя ты видела?

Вейса открыла глаза.

— Какого медведя?

После этого сомнений стало заметно меньше.

Оставлять женщину одну не хотелось, но поднимать её немедленно было тоже рискованно. Сначала требовалось проверить верхнюю галерею и состояние старых креплений, а кроме того, Эдмар хотел понять природу холодного выброса. Талви предложила оставить Вейсе второй фонарь, воду и ещё одно одеяло, после чего быстро осмотреть проход за металлической дверью.

— Я могу остаться, — сказал Эдмар.

Гномка покачала головой.

— Не можешь.

— Почему?

— Потому что дальше мне нужен человек, который любит измерять неприятности.

— Удивительно тёплое признание.

Вейса, лежавшая с закрытыми глазами, тихо сказала:

— Лучше идите оба. Здесь слишком тихо. И если найдёте Хорена...

Она не закончила.

Талви сжала её плечо.

— Найдём.

За дверью начиналась узкая служебная галерея, отсутствовавшая на старой схеме. Чем дальше они шли, тем толще становился лёд. Сначала он лежал отдельными пластами, затем полностью закрыл стены, остатки деревянных опор и часть потолка, превращая коридор в тусклый голубой тоннель. В одном месте Эдмар заметил под прозрачной поверхностью тонкую синеватую полосу минерала.

— Талви.

Она подошла и несколько секунд изучала голубоватую полосу подо льдом, затем поскребла её краем ножа.

— Морозная жила.

— Никогда не слышал.

— Потому что обычно слышать о ней незачем. Такой минерал встречается возле ледников и понемногу вытягивает тепло из воздуха. Если жила проходит близко к поверхности, рядом может быть неприятно холодно ночевать, зимой быстрее намерзает лёд, иногда промерзает камень. Ничего особенного.

Эдмар оглянулся на покрытые льдом стены галереи.

— А это выглядит довольно особенно.

— Именно, — Талви снова посмотрела на синеватую полосу. — Одна такая жила не должна была заморозить несколько десятков метров шахты, тем более летом. Либо их здесь значительно больше, чем видно, либо она только усиливает холод, который приходит откуда-то ещё.

— Из нижнего штрека?

— Узнаем, если он всё ещё существует.

Они осмотрелись и увидели, что старая каменная кладка в конце галереи была разрушена. За проломом открывалась естественная полость таких размеров, что свет фонаря не достигал противоположной стены.

Внутри горы лежал ледник.

Не тонкая корка, уже знакомая по шахтным галереям, и не промёрзшая порода, а огромная естественная полость, заполненная голубоватыми ледяными пластами. Между ними выступали серые стены камня, далеко внизу слышалась вода, а отдельные ледяные уступы уходили вверх за пределы света.

Эдмар долго всматривался в ближайшую стену, прежде чем заметил то, чего там не было.

— Здесь нет следов разработки.

Талви подняла фонарь выше. В шахте за их спинами камень сохранял борозды инструментов, ниши под крепления и остатки старых опор. За разрушенной стеной поверхность была неровной и естественной.

— Потому что это уже не шахта, — сказала она. — Они дошли до готовой полости.

Она присела возле кладки и внимательно осмотрела сохранившийся край. Камни стены отличались от окружающей породы, а старый раствор глубоко забился в швы. Там, где часть кладки недавно обрушилась, сколы оставались заметно светлее.

— А вот стену сложили шахтёры, — продолжила Талви. — Причём уже после того, как сюда пробились. Иначе закрывать было бы нечего.

Эдмар вспомнил старую схему.

— После аварии нижний штрек отсекли от остальных выработок.

— Да. В записях были «нестабильная порода, вода и непригодные условия для дальнейших работ». — Талви направила свет фонаря в голубую глубину. — Похоже, под последним пунктом могло скрываться значительно больше, чем я думала.

— Но мы всё ещё не знаем, что именно произошло.

— Не знаем. Только то, что сорок лет назад они добрались сюда, после аварии закрыли проход, а недавно кладку снова повредило.

Эдмар посмотрел на свежие светлые сколы у основания стены.

— И холод получил дорогу в шахту.

— Вот это уже похоже на вывод.

Эдмар оглянулся на галерею. В голове одна за другой выстраивались уже отмеченные на карте трещины, переменное движение воздуха и ночной медведь возле хижины. Шахты соединяли подземный ледник с естественной системой разломов; морозная жила усиливала охлаждение, а холодный воздух выходил на поверхность там, где находил свободный путь.

— Медведь не создаёт холодные места, — сказал он. — Он идёт за ними.

— Похоже на то.

— Значит, появление зверя и исчезновения людей совпали из-за одного и того же.

— Из-за шахты.

Талви уже собиралась проверить дальний край пролома, когда заметила лежащую на льду фигуру.

Хорена нашли примерно в десяти метрах от входа. Он лежал на боку, прикрыв лицо рукой. Иней покрыл ресницы, бороду и складки одежды. Смерть наступила давно, и даже Эдмар, не обладавший врачебным опытом, понял это сразу.

Талви сняла шапку.

Некоторое время она молчала, потом произнесла:

— Он не успел отойти.

Эдмар посмотрел на разрушенную кладку.

— Вейсу отбросило в провал, а он остался прямо перед потоком.

— Похоже.

Гномка снова надела шапку и выдохнула.

— Тело заберём после того, как вытащим её.

Именно тогда в глубине пещеры раздался хруст.

Он был негромким, но в огромном пространстве отразился от льда несколькими эхами. Талви и Эдмар одновременно повернулись.

Из-за голубого выступа появилась светлая голова.

Ледяной медведь стоял примерно в двадцати метрах. Внутри подземной пещеры зверь казался ещё крупнее: широкие лапы уверенно держались на гладком льду, дыхание почти не давало пара в уже холодном воздухе, а светлые глаза внимательно следили за людьми.

Талви медленно опустила руку к луку, но не стала снимать оружие.

— Не двигайся резко.

Эдмар продолжал смотреть на медведя.

— Кажется, это самый частый совет за последние два дня.

— Второй по частоте — молчать.

— Приму к сведению.

Медведь сделал несколько шагов. Он не рычал, не прижимал уши и вообще не демонстрировал явного намерения атаковать. Подойдя ближе, зверь вдруг повернул голову к глубокой трещине в ледяной стене.

Затем начал пятиться.

Талви нахмурилась.

— Он уходит от нас?

Эдмар уже почувствовал едва заметное движение воздуха. Пламя в его фонаре вытянулось в направлении пролома, а почти сразу из глубины ледника пришёл низкий гул. Не отдельный треск, как прежде, а тяжёлый многослойный звук, словно огромные пласты льда начинали двигаться одновременно.

Медведь развернулся и быстро ушёл в боковой тоннель.

Талви посмотрела вслед зверю и уже через мгновение схватила Эдмара за рукав.

— За ним.

— Вейса в шахте.

— До неё сейчас не добежим.

Они успели преодолеть лишь часть расстояния, когда по пещере прошёл холодный поток. Это не было обычным ветром. Воздух ударил в лицо так резко, что Эдмар инстинктивно прикрыл его рукавом. Кожа заболела, дыхание перехватило, на ткани почти мгновенно начал проступать иней. Талви потянула его в боковой проход, где исчез медведь, и оба побежали между камнем и льдом.

Тоннель изгибался в сторону и через пару десятков метров выводил в небольшую сухую нишу. Медведь уже лежал там, прижавшись к дальней стене. Он лишь поднял голову, когда люди влетели внутрь, но не сделал попытки приблизиться.

Талви остановилась у противоположной стены и тяжело выдохнула.

Эдмар посмотрел на зверя, затем на гномку.

— То есть сейчас мы пережидаем мороз рядом с ледяным медведем.

— Да.

— Просто хотел убедиться, что правильно оцениваю ситуацию.

— Если попробуешь нанести это на карту, я сделаю тебе больно раньше него.

Медведь слегка повернул голову на звук голоса. Эдмар решил, что дальнейшие комментарии действительно могут подождать.

Холодный выброс продолжался меньше минуты, но внутри ниши время растянулось. Воздух гудел в проходе, лёд потрескивал, с потолка осыпалась мелкая крошка. Потом звук начал стихать. Медведь не торопился выходить и ещё несколько минут лежал совершенно спокойно. Талви тоже не двигалась.

— Ждём его? — спросил Эдмар тихо.

— Пока он единственный здесь точно знает, когда безопасно выходить.

— Значит, мы официально наняли нового проводника.

— Он берёт дешевле меня, но хуже разговаривает.

Когда зверь наконец поднялся и медленно пошёл к выходу, они последовали за ним на расстоянии. Вернувшись к разрушенной кладке, Эдмар увидел, что последствия выброса оказались заметнее, чем он ожидал. На камнях возле пролома лежал новый слой прозрачного льда, несколько обломков сдвинулись вниз, а проход, через который они совсем недавно вышли к подземной полости, стал заметно уже. Эдмар поднял фонарь и некоторое время изучал верхнюю часть стены. Там, где прежде оставался широкий зазор, теперь один из крупных камней держался только на выступе и, судя по трещине вокруг него, мог сорваться от нового движения породы.

— Если следующий поток снова сдвинет кладку, — сказал он наконец, — этот проход может завалить совсем. Тогда до Вейсы отсюда мы уже не доберёмся.

Талви тоже посмотрела на нависший камень и сразу развернулась к шахте.

— Значит, сначала вытаскиваем её. Всё остальное подождёт.

Обратный путь они прошли значительно быстрее, чем двигались сюда. Теперь им не требовалось останавливаться у каждой трещины или проверять направление воздуха, а мысль о том, что между Вейсой и выходом постепенно меняется сама шахта, не располагала к лишней

осторожности. Женщина услышала их ещё до того, как свет фонарей появился в галерее, и встретила знакомой усталой усмешкой.

— Быстро вы.

Талви опустилась рядом и сначала проверила одеяло и повязку на сломанной ноге. Только после этого она сказала тихо:

— Мы нашли Хорена.

Вейса перестала улыбаться. Несколько секунд она смотрела на Талви, словно всё ещё оставляла место для продолжения, которое изменит смысл этих слов, но по её лицу довольно быстро поняла остальное. Она отвела взгляд, крепче сжала край одеяла и глубоко вдохнула.

— Где?

— За старой кладкой. Он остался почти напротив пролома, когда пошёл первый холодный поток.

Вейса медленно кивнула. Больше она ничего не спросила, и Талви тоже не стала добавлять подробностей, которые сейчас ничего бы не изменили.

Эдмар тем временем проверил закреплённую над провалом верёвку и начал готовить вторую страховочную линию. Некоторое время единственными звуками оставались металлический звон карабинов да негромкий скрип верёвки, пока он не убедился, что старые опоры выдержат подъём.

— Нам лучше уходить сейчас, — сказал он, обернувшись к Вейсе. — После последнего выброса часть прохода начала осыпаться. Если случится ещё один, возвращаться этим путём станет значительно сложнее.

Вейса посмотрела на свою ногу, потом на вертикальную стену провала.

— Насколько неприятной будет дорога?

Эдмар тоже посмотрел вверх и решил не приукрашивать.

— У тебя сломана нога, стена покрыта льдом, а шахта время от времени меняет направление воздуха и пытается заморозить всё, что находится внутри. Я бы не рассчитывал на удобство.

— Тогда, пожалуй, медведь был бы проще.

Талви, затягивавшая узел на страховочной петле, неожиданно усмехнулась.

— Не уверена. Медведь сегодня оказался одним из самых полезных участников экспедиции.

Вейса медленно повернула к ней голову.

— Мне очень хочется спросить, что это значит.

— Не советую. Сначала выберемся наружу, а потом я расскажу версию, в которой мы выглядим разумнее.

— Такая существует?

— Пока работаю над ней.

Они подготовили импровизированные носилки и начали подъём. Талви поднялась первой, закрепила дополнительную страховку на верхнем карнизе и принимала вес верёвки сверху, тогда как Эдмар двигался ниже Вейсы, не позволяя носилкам ударяться о стену. Всё шло медленно, но устойчиво.

Они подняли Вейсу уже больше чем на две трети, когда Эдмар почувствовал, что воздух вокруг изменился. До этого из глубины провала тянуло устойчивым холодом, но теперь поток словно ослаб, на несколько мгновений почти исчез, а затем потянулся в обратную сторону. Пламя закреплённого у стены фонаря вытянулось вниз, вслед за ним дрогнул свободный конец верёвки. Эдмар поднял голову.

— Талви, подожди. Воздух развернулся.

Она не стала переспрашивать. Остановив подъём, Талви посмотрела сначала на пламя, потом вниз, туда, где за носилками уходила покрытая льдом стена. По её лицу Эдмар понял, что изменение ей не понравилось значительно сильнее, чем ему.

— Вниз тянет, — сказала она. — Держи Вейсу ближе к стене.

— Почему?

— Потому что в старых выработках тяга редко меняется просто так. Что-то открылось, что-то закрылось или воздух нашёл другой проход. После того, что мы видели внизу, я не хочу выяснять причину, пока мы висим над провалом.

Эдмар успел только сильнее прижать носилки к камню, когда по ледяной поверхности возле его плеча прошла тонкая трещина. Она быстро разветвилась вниз, скрылась за выступом, и почти сразу из глубины донёсся глухой удар. Часть стены осыпалась; верёвка дёрнулась, Вейса вскрикнула, а носилки резко ушли в сторону. Эдмар навалился на них плечом, удерживая от нового удара о камень.

— Тяни! — крикнул он.

Талви уже работала с верёвкой. Вместо того чтобы пытаться поднять Вейсу одним рывком, она выбрала слабину, закрепила линию на несколько секунд и снова потянула, пока Эдмар снизу направлял носилки вдоль стены. Ещё один кусок льда сорвался где-то под ними, но теперь они были почти у карниза. Талви перехватила верхнюю петлю, подтянула носилки к себе и только после того, как Вейса оказалась на твёрдом камне, помогла выбраться Эдмару.

В глубине снова прогрохотало. Талви уже поднимала носилки, когда Эдмар невольно посмотрел в сторону нижнего штрека.

— Хорен.

Она остановилась. На короткое мгновение в её лице не осталось ни привычной насмешки, ни сосредоточенности проводника, но затем Талви посмотрела на осыпающийся проход и медленно покачала головой.

— Мы его не бросаем, Эдмар. Мы возвращаемся за ним с людьми и нормальным снаряжением. Если полезем сейчас, Вейса останется здесь вместе с нами.

Формулировка была жёсткой, но именно поэтому спорить оказалось нечего. Эдмар ещё раз посмотрел в сторону нижней галереи, запоминая место настолько точно, насколько мог, после чего взялся за носилки.

До поверхности они добрались примерно через двадцать минут. Чем ближе становился выход, тем теплее казался воздух, а когда на лицо наконец упал дневной свет, горное лето впервые за всю поездку показалось Эдмару почти жарким. Вейсу перенесли под скальный навес, уложили на свёрнутые плащи и дали немного тёплой воды. Талви ещё раз проверила шину, убедилась, что пальцы на повреждённой ноге остаются тёплыми, и только после этого позволила себе сесть рядом.

Некоторое время они просто отдыхали. Эдмар смотрел на тёмный вход в шахту и мысленно возвращался к тому, что видел внутри: ледяной полости, разрушенной кладке, холодным трещинам на склоне и странной тяге, которая за последние сутки уже несколько раз меняла направление. Отдельные наблюдения явно были связаны, но связь между ними он пока представлял скорее как рисунок, чем как объяснение.

Он достал карту и разложил её на камне.

— Посмотри.

Талви придвинулась ближе. Эдмар показал отмеченные с утра холодные выходы.

— Вот шахта. А вот трещины, которые мы нашли на дороге и выше по склону. Я сначала отмечал их отдельно, но почти все они лежат по одной стороне массива и расходятся отсюда. Если старые выработки соединяются с естественными разломами, холод из той полости может выходить на поверхность не только через шахтный вход.

Талви проследила пальцем по его отметкам, задержалась возле двух самых высоких точек и кивнула.

— Может. В горах такое бывает даже без подземного ледника. Если у одной системы есть выходы на разной высоте, воздух начинает ходить через неё сам. Один склон нагревается, другой остаётся холодным, где-то внутри лежит вода или снег — и тяга меняется.

Эдмар указал на место недавнего обвала.

— А здесь проходы ещё и постоянно меняются.

— Именно. — Талви взяла карандаш и добавила возле одного из холодных выходов короткую отметку. — Новый лёд может перекрыть узкую щель. Камень осыплется — откроется другая. Тогда воздух, который вчера выходил здесь, завтра пойдёт через соседний разлом. Поэтому ты и находил холод в местах, где его раньше никто не замечал.

Эдмар некоторое время смотрел на карту. Теперь рисунок действительно начинал складываться.

— А морозная жила усиливает охлаждение там, где проходит рядом с этими каналами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.